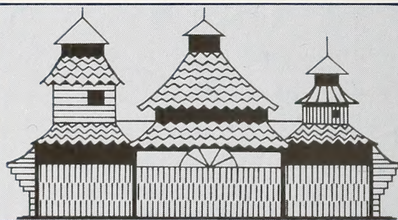

ПОЕЗИИ АЛЕКСАНДРА

ДУХНОВИЧА

Я РУСИН БЫВ, ЄСМ' И БУДУ

ПЕРШОЕ ВЫДАНЄ

З ПЕРВОДРУКОВ СОБРАВ ЖИТЄПИСЬ НАПИСАВ И ПОЯСНЕНЯ ДОДАВ

ДР. ФРАНТИШЕК ТИХИЙ.

ВЫДАВНИЦТВО ТОВ. „ПРОСВѢТА“ В УЖГОРОДѢ
СЕРІЯ ЛИТЕРАТУРНО-НАУКОВЫЙ ОДДѢЛ — Ч. 3.

ПОЕЗІИ
АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА

ПЕРШЕ ВЫДАНЯ

З ПЕРВОДРУКОВ СОБРАВ, ЖИТЄПИСЬ
НАПИСАВ И ПОЯСНЕНЯ ДОДАВ
ДР. ФРАНТІШЕК ТИХІЙ

КНИГОПЕЧАТНЯ АКЦІЙНОГО ТОВ. „УНІО“ В УЖГОРОДѢ
1922

Александер Духнович.

ПОДКАРПАТСКѢ Русины честують Духновича як свого найбôльшого письменника. И се совсѣм слушно. Не появилася доси на Подкарпатскôй Руси значительнѣйша особитость литературна. Духнович концентровав в своѣй особѣ всѣ литературнѣ и культурнѣ стремлѣня цѣлого поколѣня, цѣлоѣ найкрасшоѣ добы нашого письменства. Он быв всюды, де потреба призывала, справдѣ живый приклад будителя милого народа: Духнович основатель першоѣ поетичноѣ школы на Пôдк. Руси; ôн автор пѣснѣ, котра сталася народным гимном Подкарпатских Русинôв; ôн написав першу новѣйшу повѣсть и драму руську; ôн выдав першу руську граматику в роднôм языцѣ, першій руській мѣсяцослов и молитвенник; ôн писав учебники, ôн основав першѣ руськѣ товариства. Не чудно, что Духнович зыскав преданну и безсмертну любов свого

народа, котрый называе его найнѣжнѣйшим именем: „батько“.

Отъ Попрада ажъ до Тисы
Подъ Бескидомъ горы, лѣсы
Духновича поминають,
Ему здравія желають.

Так спѣвав молодшій друг и наслѣдник Духновича, Александер Павлович в поезіи „Батькови Духновичу“ (Галичанин 1862, стр. 20).

И дѣйсно так: Духнович высланый мов от Провѣдѣня в часѣ, коли его было найбôльше треба. Духнович сам характеризуе добу початкôв своеѣ будительноѣ працѣ так: „О уже текла на нас погубы пучина, уже валилася на нас буря водная, и туй туй покрыла народ наш грозными валами*), коль милостивый Вседержитель сильною десницею, расдвигнулъ передъ нами море на двѣ стѣны, то есть: Австрійскую и Россійскую, и мы — о радость великая! = идемъ живы по средѣ... въ обѣщанный и сладкій покой“.

Александер Духнович родився пôд Бескидом в селѣ Тополѣ Земплинськоѣ жупы дня 24. апрѣля 1803 р. од приходского священика Василія. В романтичнôм дусѣ своеѣ добы выводив Духнович свôй рôд од князѣв Черкаских из Москвы; в подобный способ также Адольф Добрянскій выводжував свôй рôд от воеводы Өомов Совы (по мад. Thonisova). Анатолій Кралицкій („Мѣсяцословъ“ на 1866 г., стр. 48 сл.) розказуе про сю справу ось что: „Одинъ день по похоронѣ отца своего (1816 года) призванъ былъ 12 лѣтній тогда Александеръ дѣдомъ своимъ, чтобы узналъ о тайнѣ происхожденія своего. Сынъ мой! проговорилъ торжественно сѣдый старецъ, — отецъ твой померъ, а я 70 лѣтный старецъ не знаю, Богъ вѣ-

*) Розум. революція на Угорщинѣ в 1848–1849 р. и репресіи Мадяр против инших народов тодѣшной Угорщины.

даетъ, увижу ли тебе, когда повернешь изъ училища. Такъ я долженъ тебѣ сказати происходъ нашего семейства, ибо батюшка и дядя мой мнѣ сказалъ да и повелѣлъ подъ анаѳемою передати своимъ наслѣдникамъ все, что касается нашего рода; нынѣ слыши и храни мои слова:

Предокъ нашъ походилъ изъ Москвы и онъ не назывался Духновичемъ, но былъ изъ великой фамиліи нынѣшнихъ князей Черкайскихъ. Царствующему императору Петру Вел. насталъ противъ нему — въ отсутствіи — бунтъ и мятежъ, которому предводила его сестра Софія. Стрѣльцы были первыи бунтовщики, а тых капитаномъ былъ предокъ нашъ Черкайскій. Но нещастно кончился мятежъ. Царь Петръ побѣдилъ всѣхъ бунтовщиковъ, и похищенныхъ наказывалъ смертію. Предокъ, чтобъ спасти жизнь, бѣгствомъ укрался, и съ многими — между которыми особенно былъ Герберъ*) и Брыла и прочіи — черезъ Польшу удался, и достигъ до Угорщины, поселившись въ подъ-Бескидскомъ селѣ Тополѣ, гдѣ пріялъ имя Духновича. Онъ чтобъ прожити, искалъ себѣ средствъ и пріялъ при бывшей тамъ деревяной церковцѣ чинъ пѣвца, ибо о учителяхъ тогда и слова не было слышати. Не по многомъ времени разошлася слава имени Тополянскаго пѣвца: онъ стязался съ священниками, которіи тогда менѣе чѣмъ теперь ученіи были, такъ что тѣ удивлялися его учености и знаніямъ; на конецъ же всѣ священники съ протопопомъ совѣтовали ему, чтобъ женившись далъ себе посвятити въ іереи. Такъ и сталось; онъ женился съ дочерью одного священника, пошелъ до Мукачевского монастыря къ Владыцѣ, и безъ всякой перепоны посвященъ въ іерея, и сей же часъ назначенъ приходникомъ до Тополянъ, гдѣ подъ именемъ Духновича поповалъ

*) Мати Духновича была родом Герберова.

ревностно, родилъ чадъ, которіи наслѣдовали ему въ поповствѣ даже до послѣдняго Василія Духновича, переселившагося до Стащинъ.

Такъ сказалъ Димитрій Духновичъ своему внуку Александру, додаючи еще тіи слова: Что я тебѣ, сынъ мой, говорилъ, то само передай и ты своимъ потомкамъ, ибо то мнѣ мой, а ему его батюшка повелѣлъ, да такъ преданіе оно останется въ нашемъ родѣ въ вѣки. Дальше прослезився старецъ, поблагословилъ внука и сказалъ: Сынъ мой! Незабывай на Бога, молися ему и люби родъ свой русскій, а хотя не богатый, то счастливъ будеши, ибо будетъ тебе Богъ благословити а люди любити".

Се наивне оповѣдане дуже цѣкаве з боку литературноѣ исторіѣ: Се школьный приклад т. зв. „романтичноѣ ироніѣ".

Утративши отця остав Александер из 6 дѣтей — 4 дочок и 2 сынôв — найстаршій. По укончевю гимназіѣ хотѣв посвятитися науцѣ инженерскôй, але мати змусила ити на теологію. А так приняв его 1821 р. пряшовскій владыка Таркович на теологію и надѣлив стипендією, чтобы Духнович укончив философію в Кошицях (1821—1823) и теологію в Ужгородѣ (1823—1827).

Укончивши теологію, став Духнович актуарем в консисторіѣ в Пряшевѣ. Старенькій епископ Т а р к о в и ч не быв Духновичови прихильный, як можеме догадоватися з поезіи „О п р и д в о р н о й ж и з н и" (поров. поясненя) и з его автобіографіѣ. Напротив тому директор епископскоѣ канцеляріѣ В а с и л і й П о п о в и ч, пôзнѣйшій епископ мукачевскій, быв молодому другови приятелем. З концем 1828 року покинув Духнович „мѣсце тортуры", як сам каже, и пошов до Ужгороду. Але мукачевскій епископ не мôг приняти его до духовноѣ службы, бо Таркович не хотѣв

звôльнити Духновича. Духнович остався без хлѣба. На щастя приняв его до свого дому заступник жупана, богатый помѣщик Стефан Петровай в Ужгородѣ, чтобы учив єго сына. В домѣ Петровая перебыв Духнович до 1830 р.

Три лѣта побыту в осередку культурного житя Подкарпатскоѣ Руси мають велике значѣня для Духновича. Открылося єму широке поле душевноѣ дѣяльности. Прекрасна библіотека епархіальна давала нагоду к студіям. Тут положив Духнович основы своєѣ литературноѣ творчости, тут написав ôн первѣ нам знакомѣ вершѣ пôд назвою: „Ода на тріумфъ Ніколая царя Россіи, егда на турковъ воевалъ, напрасно чрезъ Дунай устроеннымъ мостомъ, въ Болгарію съ всею силою перейшолъ Ісаакчу и Ісмаилъ и прочія крѣпости взялъ 1. октоврія 1829“. (Рукопись в библ. Народного Дому у Львовѣ и в Мукачевѣ).

З початком 1831 р. принимає еп. Таркович Духновича знов до епархіяльноѣ канцеляріѣ, але непорозумѣня и незгода появилися наново. Духнович примушеный приняти 1833 р. приход Комлошскій, звôдки ôн перейшов слѣдуючого року як приходскій священик до Бѣловежѣ. Тут перебыв Духнович до 1838 р. — мов выгнанець; „Haec ergo mea insula Helena“, пише ôн у своєѣй автобіографіѣ.

В Бѣловежѣ занимався Духнович дальше литературными студіями и збирав прилѣжно народнѣ пѣснѣ, котрѣ пôзнѣйше ввôйшли у великій зборник Якова Головацкого*).

В апрѣлю 1838 покликав Духновича на консисторского нотаря до Ужгороду новый епископ

*) „Пѣсни, собранныя Александромъ Духновичемъ въ Пряшевѣ“ (Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси II. (1878), стр. 560—569.

мукачевскій Василій Попович, котрый добре познав Духновича и его способности уже з Пряшева. Другій побыт Духновича в Ужгородѣ лишив знов слѣды в литературнôм его розвитку: В ужгородскôй библіотецѣ капитульнôй переховуе по словам професора Ол. Колессы найраньша збôрка автографôв Духновича з р. 1832 и д.*)

В январю 1844 р. именовано его каноником Пряшевским. Теперь жие Духнович житем посвяченым безоддышнôй працѣ и любви к народови и ближньому. В львôвском „Дѣлѣ" (1886 р., ч. 107) цѣкаво описуеся в статьи „Згадки зъ студентского житя въ Пряшевѣ на Уграхъ" внѣшне житя Духновича тодѣшного часу: „Александеръ Духновичъ займавъ въ однôй фронтовôй каменици въ ринку першій поверхъ, що складвв ся зъ кухнѣ и чотырехъ комнатъ. Въ однôй комнатѣ мешкало бôльше малыхъ дѣвчатъ, священничихъ сирôтъ, котри ходили до публичнои школы, а Духновичъ старавъ ся о всѣ ихъ потребы. Въ другôй комнатѣ мешкала Нѣмкиня, спроваджена зъ Нѣмеччины до Пряшова, щобы домови вôдъ неи научились нѣмецкои мовы. Въ третѣй комнатѣ бувъ сальонъ на приемъ гостей. Въ четвертôй комнатѣ мѣстилась библіотека, тутъ була канцелярія и спальня „батька"... Вôнъ встававъ рано и працьовавъ при пультѣ до пôзнои ночи. Умебльоване всѣхъ комнатъ, прикрашеныхъ руськими образами, було поединче безъ нѣякого люксусу. Кромѣ домовыхъ дѣвчатъ засѣдали до обѣду приходячи зъ мѣста бѣдни угорськи и галицьки студенты... Розмова при столѣ була тôлько руська. Бувъ то оденъ дôмъ въ Пряшовѣ межи Русинами, де шановано руське матерне слово, бо так межи прочими крилошанами

*) Записки Тов. ім. Шевченка LXXXVI, стр. 125.

якъ и въ палатѣ епископськôй мадярщина процвитала“.

В пряшевскôй гимназіѣ преподавав Духнович добровольно и безплатно руській язык. „Мои уроки посѣщали не только русины, но и словаки и мадьяры“, — каже Духнович в своѣй автобіографіѣ.*) Тепер занимаєся наш автор также наукою˙ З 1846 р. походить рукопись „Historia divecesis Eperjessiensis“ (в епарх. библ. в Пряшовѣ), пôзнѣйше выдана в переводѣ К. Кустодіева (Історія Пряшевскôй епархіи“) в Петроградѣ 1877 р. В Пряшовѣ в типографіи Ед. Редлица (Redlitz) выдав Духнович 1847 р. правное дѣло „Corpus iuris, in compendio exhibens leges regni Hungariae“ (Pars I—II).

Того самого 1847 р. выдае Духнович также свою першу книжку руську в типографіѣ в Будинѣ. Се „Книжиця читальная для начинающихъ“, котра 1851 р. появилася другій раз, а уж 1852 р. третій раз. Из того видко, як дуже ся книжка была потрѣбна. Од 1852 р. не появилося нѣякого руського букваря. Але не лишь то: Букварь Духновичов се книжка загалом знаменита. Іван Созаньскій**) каже: „Про сю книжечку замітимо, що богатим змістом перевисшила вона усї букварі, які раньше видруковано в Галичині“. Ще сегодня учаться наши дѣти першѣ стихи Духновича з єго „Книжицы“:

Мамко, мамко, купъ ми книжку,
Тинту, паперь и табличку,
Бо я пойду до школы,
Учитися поволи.

На жаль за свою першу руську книжку прийшлося Духновичови чимало вытерпѣти. Духнович

*) П. Феерчакъ: „Очеркъ литературнаго движенія угорскихъ русскихъ“ (Одесса 1888), стр. 17.

**) Ол. Д. угорський автор народних учебників і публіцист (Львів 1908), стр. 6.

згадує про сю справу такими словами: „Явно исповѣмъ, что я 1847 года власнымъ розходомъ издалъ книжицу азъбучную; русски дѣти изъ ней по русски читати ся научили, а что книжица она по русски писана была, то и Мадяри узнали и про ню я свое вытерпѣвъ; бо едино про то, что я русски книжочки писалъ, отъ мятежниковъ поруганъ; — и до смерти не забуду 27 апрілія 1849 года, якъ разбойникъ между орудіями веденъ до Кошиць, где для мене шибеница строилася“.*) Довод был сей, что Мадяре причиною протиреволюціонного настрою Русинôв 1849 р. не уважали кого иншого як Духновича, коло котрого сконцентровався кружок молодых людей в цѣли пробудженя народа. „Найшлося“, жалуеся Духнович в автобіографіѣ, „многихъ непріятелей, котріи за то, что я смѣвъ руськіи книги, руськіи творы писати и займатися съ лѣпшою будущностію моего солодкого народа, — не перестали мене задавати урядникамъ“.

Про „Состояніе Русинôвъ въ Угорщинѣ“ 1849 р. написав Духнович статю до „Зорѣ Галицкоѣ“ (ч. 31).

Невдала революція принесла немадярским народам тодѣшноѣ Угорщины полекшу од мядярского утиску. Культурне політичне и суспôльне житя Русинôв дуже пôднеслося. Духнович быв призначеный, чтобы стояв в чолѣ литературного одродженя. Посвячуєся нынѣ загалом працѣ на поли красноѣ литературы. В маленькôм альманаху „Поздравленіе Русиновъ на новый годъ 1850“ появляються в печати першѣ стихи Духновича. Також 1850 р. выйшла в тôй самôй типографіѣ в Перемышли перша руська драма „Добродѣтель перевысшаетъ богатство. Игра въ трехъ дѣйствіяхъ по простонародному изреченію въ

*) „Вѣстникъ для Русинов Австр. державы, 1851, ч. 5.

пользу народа Карпато-Русского“, котра саме теперь появилася знов выданем нашоѣ „Просвѣты“. Лаборскій (у „Вѣстнику для Русинôвъ Австр. державы, 1851, стр. 354 сл.) доносить, что драма играна 2. юнія 1851 студентами на народнôм празднику „Majales“ на Михайловскôй долинѣ. „Сталось во сей час то, что нигда доселѣ: Русскій театеръ игрался“, каже референт.

Дуже допомагало к розвитку письменства Подк. Руси „Литературное заведеніе пряшовске“, котре основав Духнович 1850 р. при заохотѣ епископа Иосифа Гаганця. Оно числило в короткôм часѣ 71 членôв и 1409 рн. ср., за котре выдано 10 книжок. Шкода, что оно небавом пропало.

За старанем сего товариства выйшов перший поетичный альманах Подкарп. Руси пôд назвою „Поздравленіе Русиновъ на годъ 1851 отъ Литературнаго заведенія Пряшовскаго“, печатаный у Вѣднѣ в гарнôй выправѣ и украшеный розкошною барвистою літографіею, котра представляе руського молодця и панну в мальовничôй одежи народнôй с прибавленым текстом 4. строфы славноѣ пѣсни Духновича:

Я свѣтъ узрѣлъ подъ Бескидомъ,
Первый воздухъ русскій ссалъ,
Я кормился русскимъ хлѣбомъ,
Русинъ мене колысалъ.

Альманах мав такій моральный успѣх, что „Литературное заведеніе“ выдало подобный альманах и на 1852 р. в университетскôй типографіѣ в Будинѣ.

Сѣ маленьки книжочки (перша 156 сторон, друга 146 ст. 16⁰) мають велике значѣня для розвитку литературы на Подк. Руси. Зостали они едиными зборниками стихôв аж до нашоѣ добы. Мадяре, которѣ знов небавом захоплювали власть

и силу, притискали душевне житя Русинôв в неслыханый способ. Русины не могли продовжати дѣяльности, так щастливо розпочатоѣ. Они не могли доси анѣ выдати творы свого найбольшого письменника. Оба литературнѣ альманахи з 1851 и 1852 р. единѣ зборники, где было до сих пор можно познавати поетичне дѣло Духновича в его цѣлости.

На жаль Духнович не найшов повного порозумѣня у ровесникôв со своими альманахами. Турянъ (Вѣстникъ для Русиновъ 1851, стр. 507) пише, что поет, коли доносили ему, что в Мукачевскôй епархіѣ никто не купуе руського альманаха, сказав: „Не гадайте, что мы выключительно для живущихъ пишемъ стихи, и выдаваемъ Альманахъ; мы пишемъ для тыхъ, которіи о 50 годовъ жити будутъ, и глядати будутъ якъ сокровище Алманахъ нашь!“ Сіи пророческѣ слова сегодня сповняються.

Коло альманахôв сконцентровав Духнович всѣх молодых поетôв Подк. Руси; по правдѣ можно говорити тут про першу поетичну школу руську. Первый раз выступають в альманаху на 1851 р. Александр Павлович, Ив. Вислоцкій и Г. Шолтис, 1852 р. Петр Янович, Антоній (псевдоним д-р Чопея), Ив. Рѣпа, Ив. Моравчик, Марія Невицка, Данило К. Найман, К. Лангговер, Бенедиктов, Анна Кригер-Добрянска, Тереза Подгаецка, А. Янкура, А. Рубій и Александр Лабанц. Впадае в очи, як на другій рôк увеличилося число початковых поетôв. Из старших, уже знакомых поетôв зострѣчаеме тут Николая Ноდя и Орла Татранского, котрый то псевдоним по моѣй думцѣ принадлежить И. Вислоцкому, архидіякону в Вел. Спишѣ. „Выписка изъ басенъ восточныхъ Стихотворца Саада“ в альманаху на 1852 р. походить правдѣ подобно од

Іоанна Чурговича. Як видно, удалося Духновичеви зорганизовати найлѣпшѣ особы к литературнôй працѣ.

Духнович сам выпечатав в первôм альманаху 1851 р. 13, в другôм 7 поезій. Кромѣ того написав сюды (1851 р.) першу повѣсть руську п. назв. „Миленъ и Любица, идильская повѣсть, отъ древныхъ Русиновъ временъ". Можна сказати, коли все то роздумаемо, что альманахи Духновича начинають в литературѣ Подк. Руси нову добу.

Лѣта 1851—1852 найщедрѣйшѣ в цѣлôй дѣяльности нашого поета. З 1852 р. походить также драма „Головный тарабанщикъ", литературною історією зовсѣм забыта. Рукопись, посвячена Духновичем Народному Дому у Львовѣ, теперь на жаль не звѣстна, бо з иншими рукописями Народного Дому в часѣ свѣтовоѣ войны вывезена в Россію.

В 1851 р. першій раз появився найстаршій и доси найкраснѣйший молитвенник руській, „Хлѣбъ души" Духновича. Се ще сегодня найбôльше поширена книжка на Подк. Руси. В Перемышли напечатано его „Краткій землеписъ для молодыхъ Русиновъ", и в Будинѣ „Литургическій катихизисъ".

Ал. Духнович написав своему народови также першу руську граматику руським языком; граматика Михаила Лучкая написана 1830 р., як вѣдомо, по латински. Рукопись прислав Духнович до Іоанна Раковского в Будинѣ, але книжка, котра под зарядом Раковского тут 1853 р. с именем Духновича и с назвою „Сокращенная грамматика письменнаго русскаго языка" появилася, се зовсѣм не дѣло Духновича, але Раковского. Граматика Духновича мала быти граматикою его родного языка руського, граматика, як еѣ выдав Раковскій, се граматика

языка великорусского. Духнович не згоджовався з чином Раковского, як свѣдчать слѣдующѣ слова Володимира Терлецкого („Угорская Русь и возрожденіе сознанія народности между русскими въ Венгріи"), Кіевъ 1874, стр. 27): „Стараніемъ Раковскаго напечатана въ Пештѣ краткая грамматика Духновича, съ изправленіемъ правописанія на основаніи чисто-русской ортографіи, на что покойный сначала не годовалъ, но и въ послѣдствіи былъ и самъ доволенъ этою перемѣною".

Лишиме вопрос, ци Духнович быв „доволен" ци не доволен, як нерѣшительный. Константуеме, что Духнович николи не писав и анѣ не знав писати по великорусски. Доказом его творы, котрѣ перекладаються в тôй книжцѣ.

В 1853—1856 рр., в добѣ Крымскоѣ войны, коли точка тяжести европейскоѣ политики пересувалася з Россіи на Францію, працьовав Духнович дуже мало на полѣ литературы. Здаеться, что не допускали до працѣ журбы про будучность „солодкого народа" его. З 1854 р. походить лишь маленькій „Молитвенникъ для русскихъ дѣтей" и першій „Мѣсяцословъ для угорскихъ Русиновъ на годъ 1854".

Послѣ Крымскоѣ войны быв Духнович подданый полицiйному дозору. В тôм часѣ „народноѣ небезпеки працьовав Духнович на дѣлѣ, котре мало додати народови силы. Сила малого народа в просвѣтѣ, и тому Духнович писав народну педагогію. Труд сей быв широко основаный, як ще увидиме. Приготованем до нього была здається рукописна збôрка философично-морализаторского змѣсту, хована в Народном Дому у Львовѣ п. з. „Естественно духовныя Разсужденія" з 1855 р. Про сю рукопись каже Ив. Созанський (l. cit. стор. 10): „В нiй Духнович говорить про сьвіт, людське житэ, судьбу, свободу ума, душу,

війну и т. д. В „разсужденію“ про війну автор ворожо віднїс ся до Наполеона „разбойника Европы, та до Мадярів, які в 1848 р. занепокоїли его „отечество“.

В 1857 р. появилася у Львовѣ перша часть книжки „Народна педагогія въ пользу училищъ и учителей сельскихъ“ под заглав. „Педагогія общая“. По словам автора („Церк. Газеты“ 1857, стор. 223) приготовленна к печати также друга часть п. з. „Педагогія специальная“, але на жаль не напечатана. В „Предисловію къ родителямъ“ Духнович говорить про вагу вихованя дѣтей и каже: „Дай сыну твоему здоровый розумъ, дай ему добрый нрав, дай ему науку, способность, трудолюбіе, добре серце, любовъ къ Богу и ближнему,... и уже далъ еси ему богатство“. Як видѣти, язык книжки зовсѣм не великорусскій! Раковскій (в „Церк. Газ.“ 1857, стр. 368) закидає Духновичеви „нечистоту и неправильность (!) русскаго языка“. Ось, кто был властивым автором „Сокращенной грамматики“!

Послѣднѣ роки абсолютизму Баха притискали также творчу дѣяльность Духновича. Он выдав в сих роках лишь „Правила чина св. Василія Великаго“ у Львовѣ 1858; се послѣдный его твор, выданый окремою книжкою. Духнович не чув ся тогды здоров, и для того ôн зробив послѣднѣ запорядки. Единый маеток свôй, драгоцѣнну библіотеку, „сокровище (скарб) мое“, як он каже пожертвовав монастырю оо. Василіян в Краснôм Бродѣ.*) „Актъ основанія библіотеки Краснобродско монастырской бл. п. Александромъ Духновичемъ, имъ самымъ 1859 года написанъ и сберегаемый в архивѣ монастыря Горы Чернецкія“ доносив в газ. „Свѣтъ“ IV. (1870) на ст. 252 Анатолій Кралицкій. Актъ сей вызначный.

*) В часѣ войны зовсѣм знищеный.

Духнович хоче, чтобы его библіотека не была мертвымъ сокровищемъ, но дабы каждому просвѣщеніе и чтеніе любящему явно отверта была“, желае, чтобы библіотека его стала публичною и чтобы названа была „библіотекою Духновича“.

Коли появився октобровый диплом 1860 р., Духнович став радоватися з нового розвитку руського житя, и мов вымолоднѣв. В своих „Записках“ ôн пише про сю добу ось так: „Свѣтаетъ день! Благосклонное солнышко показывается и на угорско-русскомъ небосклонѣ. Надменная мадярская шляхта задумала было, послѣ объявленія конституціи, забрать свои всѣ должностныя мѣста, не обращая никакого вниманія на способности чиновниковъ. Законами 1848 года установлена равноправность для всѣх, но мадьярскіе „немеши“ допустили русиновъ только къ занятію писарскихъ мѣстъ, и то всего 3—4 человѣка, отказавшихся отъ своей народности и, в добавокъ, клеветавшихъ на нее. И вотъ, произошла чудесная перемѣна! Мадьяръ даже вообразить не могъ, чтобы возможно было недворянину сдѣлаться „солгабиро“, а нынѣ однимъ почеркомъ пера прекращена монополія должностныхъ мѣстъ. Въ шарышской столицѣ „главнымъ жупаномъ“ назначенъ г. Иванъ Главачъ, словакъ и сынъ крестьянина; въ той же столицѣ различныя судейскія и административныя мѣста заняло 14 русиновъ. Главными же жупанами назначены в унгварской столицѣ русинъ Негребецкій, и его помощникомъ — также русинъ Ляховичъ; въ мармарошской столицѣ русинъ Долинай, а его помощникомъ — Корнилій Добрянскій, братъ Адольфа Добрянскаго“.

Зараз по 1860 р. основав Духнович разом з Ад. Добрянским „Общество св. Іоанна Крестителя“, которого цѣлію было помагати потрѣбным руським студентам в Пряшевѣ. Духнович як пред-

сѣдатель рады товариства присвячовався увесь працѣ в користь руськоѣ молодежи. Его кореспонденція в газ. „Pešt'budínske Vedomosti" з 1862 р. торкєаться загалом „Общества".

В тôм самôм 1862 р. появилася в „Галичанинѣ" доймаюча поезія „Послѣдная моя пѣснь" Духновича и зараз пôд нею стихи Александра Павловича.

В пѣсни той передав А. Духнович послѣдне свое завѣщаня будучим поколѣням:

Съ мыслiю о горней жизни
Жiйте благо для отчизны
А чужины стережѣться,
Чуже въ васъ не устоиться.

Чуючи конець свому житю, высказав там и свое желаня:

На Бескидѣ въ роднôмъ краю,
Въ томъ исконно руськомъ раю
Де свѣтъ узрѣвъ, тамъ лежати
Хочу, вѣчно спочивати.

Пôдъ поезiею „Послѣдня моя пѣснь" выддруковано стихи Павловича як сказано:

„БАТКОВИ ДУХНОВИЧУ."

Здравствуй, батьку солоденькій,
ты соколе нашъ сивенькій!
Здравствуй! желаютъ дѣтята,
твои русски соколята.

Твоимъ чувствомъ воспитаны,
твоимъ пѣньем взлелѣяны,
тебѣ пѣти помагаютъ,
родъ свой облагородняютъ.

Научившись изъ „Книжицы"
русски хлопяти, дѣвицы
въ церквахъ „Хлѣбъ души" чьтаютъ,
Александра поминаютъ.

От Попрада ажъ до Тисы,
под Бескидомъ, горы лѣсы
Духновича поминають,
ему здравія желають.

Дасть Богъ, батьку, будеш жити
молодцев руководити,
на дружину назирати
ей полетомъ управляти.

Гдѣ такъ крѣпка духа сила,
переминет недуг тѣла;
Богъ не дасть такимъ умерти,
что народъ спасли одъ смерти!

Ты будилъ насъ всѣхъ ко жизни
вскормилъ людей для отчизны,
первый былъ ты между нами,
славный умомъ и дѣлами.

Вождъ народа знаменитый,
не одинъ вѣк будешь жити,
земли нашей мужъ великій,
поживешъ въ сердцахъ ей въ вѣки.

На жаль не довго уже потѣшовавъ „батько" своих вѣрных Русинов. „Печальную вѣсть засылаю вамъ", доноситъ вѣденьскій „Вѣстникъ" 1865. р. на ст. 92.; „Ото дня 17 (29.) марта 11-го часа въ ночи нашъ любимый Александеръ Духновичъ . . . скончивъ теченіе жизни своей. Утрату сего великаго мужа и покровителя у горской Руси кождый ревный русинъ чувствуе; — въ немъ бо возникло свѣтло, которое дремлющихъ Русиновъ изъ тяжкого сна пробудило, — до нового житія . . . Смерти отдалъ смертное, божіе Богу. Розстался съ нами, но лишилъ здѣсь жизнь дорогу, бо духъ Его жити буде отъ рода и въ родъ."

Духнович умер с надѣею на лѣпшу будучность Подкарпатской Руси — не дожив на щасте до того часу, коли Мадяре все забрали в свои руки. Але всеж таки спѣвав в однôм з послѣдных вѣршôв:

Я сумный; дума идеть
О томъ, что еще будеть
Въ моемъ родномъ племени
По столѣтномъ времени.

(Поезія „Мѣсяцъ".)

На жаль нѣ сном нѣ духом Духнович не знав, что будучность принесе „солодкому народу" его — Свободу!

* *
*

Духнович найславнѣйшій подкарпатскій Русин. Его имя добре звѣстне и за границею. Першѣ житеписи его писанѣ по словенски и появилися 1862. р. в газ. *„Peštbudínske Vedomosti"* и 1863 р. в газ. *„Sokol"*. Перша руська житепись Духновича з пера Анат. *Кралицкого* друкована в „Мѣсяцослову" на 1866. р. Крôм Кралицкого писали на Подк. Руси про Духновича Маѳ. *Маленкій*, Вл. *Терлецкій*, П. *Фееучак*, Евг. *Фенцик*, Евм. *Сабов*, Мих *Мейгеш*, др. Вол. *Бирчакъ*, и т. д.; в Галичинѣ Ив. *Созанський*. Ив. *Франко*, Ол. *Барвинський*, К. *Студинський*. I. *Свѣнцицький* и т. д.; в Россіи Ал. *Пыпинъ* Нилъ, *Поповъ*, Вл. А. *Францевъ*, А *Петровъ*, Ѳ. Ѳ. *Аристовъ* и т. д.; в Чехах Яромир *Грубый*, Фр. *Ржегорж*, Йан *Махал* и Фр. *Тихій*, котрый переклав до чешскоѣ мовы нѣкоторы стихи Духновича. По нѣмецки писано про Духновича в газ. *„Slavische Blätter"* 1865. р. и в „Lexikon"-у *Вурцбаха* (т. XIV, стр. 430–431).

ПОЕЗІѢ.

МЫСЛЬ О БОЗѢ.

Воспой хвалу всевышнему
Душею, сердцемъ, умомъ;
Бѣдный смертный, воспой Ему
Нѣжный внутреннымъ чувствомъ,
Воспой гласомъ умиленнымъ,
Распалися, славу дай,
И духомъ, сердцемъ смиренным
Силу Его повѣдай!
Познай силу всевышняго,
Узнай твою нищету,
Помни злость, слабость земнаго,
И виждь Божу доброту;
На небеса воскрыляйся,
И съ трепетомъ тамъ пари,
Славѣ Божой удивляйся,
Твое ничтожество зри;
Помни Бога высочество,
Съ собою самъ ся стяжи,
Узнай твое смиреніе,
И покорно так скажи:

Богъ пресвятый, а я грѣшный;
Ему заря, блескъ, свѣтлость
Подобаетъ, но я мрачный,
Моя участь есть бѣдность;
Богъ самъ въ себѣ безконечный,
Я родился и умру;
Он самъ безъ порока, вѣчный,
Я причастенъ всему злу;
Богъ неба, земли создатель,
Я створѣня бѣдное,
Онъ есть всего добра датель,
Я не маю что свое; —
Бо душа и тѣло мое
Бо душа и тѣло мое
Есть мнѣ заимоданно,

Все состоянiе мое
  Его власти поддано;
Богу вся повинуются,
  Небо, цѣла природа;
А мнѣ что ино явится?
  Як жаль, болѣзнь и тужба;
Богъ владѣетъ облаками,
  Я блеска устрашуся,
Богъ шлетъ тучу, вѣтръ съ дождами,
  А я бѣдно нищуся;
Я слабый червъ, ты всесиленъ,
  Я пепелъ, глина и прахъ,
Ты Боже самъ всемъ обиленъ,
  Мнѣ позрѣти на тя страхъ;
Ты духъ духовъ, и Богъ боговъ
  А я ничь предъ тобою,
Ты живый во вѣки вѣковъ,
  Ты владѣешь всѣмъ мною; —
Як горкiй дымъ по воздусѣхъ
  Уничтоженъ бываетъ,
Якъ громный огнь на облацѣхъ
  Окозрѣнно счезаетъ:
Тамъ мой животъ мимоидетъ,
  Днесь веселый, завтра мертвъ,
Вижу, ежедневно падетъ
  Колько живыхъ, только жертвъ.
Знаю ли я бѣдный, грѣшный,
  Котрый ми послѣднiй часъ,
Знаю ли когда мя вышнiй
  Покличетъ господенъ гласъ?
О еще днесь торжественно
  Веселюся здравъ и милъ,
Завтра можно безчувственно
  Изтлѣваю уже гнилъ! —
Еще рано процвѣтаю
  Якъ косиця въ долинахъ,

А вечеромъ иссыхаю,
  Что остану? Тлѣнь и прахъ!
Но ты безъ начала вѣчный
  Былъ еси, и все будешь,
Ты не рожденъ, безконечный
  Во вѣки не избудешь; —
Чтоже я бѣдный, и страстенъ
  Предъ тобою? — нищъ, убогъ,
Я и самъ собой не властенъ,
  Ты мнѣ сила, Ты мнѣ Богъ!
О Боже мой Створителю,
  Ты одинъ владѣй мною,
Помилуй мя Владителю,
  Бо я ничь предъ Тобою!

СИРОТА ВЪ ЗАТОЧЕНІИ.

Солнце уже за горою
  Зайшло, погасъ дневый свѣтъ,
Я въ глубокой мысли внуренъ
  Помню моихъ прежднихъ лѣтъ!
Вспоминая дѣйство мое,
  Пришолъ въ память древній часъ,
Сладки игры и забавки,
  Звенитъ въ ухахъ мамчинъ гласъ;
Мамчинъ гласъ! о страстная мысль,
  Сладкое слово: мати!
Проницаетъ внутренну жизнь
  Мысль полна благодати;
Мати! любве силная страсть,
  Сію природа даетъ,
Бо тѣмъ гласомъ бѣдный смертный
  Первую жизнь витаетъ;
Сей первый и жалостный гласъ
  Съ плачемъ былъ и мнѣ: мама!

Она лиш одна мнѣ была
  Любовью почитана;
Сладка сосця мнѣ жизнь дала,
  Сытным млеком кормила,
Чувство любве возбуждаюшь,
  И добрый духъ крѣпила; —
Такъ я питанъ, бо колѣбель
  Была ей мягко лоно,
О якъ пріятнымъ отдыхомъ
  Всегда здалося оно!
Въ томъ я успокоевался весь,
  Возрасталъ и духъ горящь,
Ей притулъ во обятіяхъ
  Утолилъ дѣтинскій плачь.
Словомъ: дорога матушка
  Была мнѣ лѣчнымъ цвѣтомъ,
Ей жаркое лобзаніе
  Владѣло моимъ свѣтомъ. —
Но горе! о неудобна
  Участь такъ ми судила,
Завистна судьба одъ сладкой
  Мамки мя отлучила;
Случай ужасный исхитилъ,
  Вырвалъ отъ персій вѣрныхъ,
Немилосердно исключилъ
  Отъ обятій матернихъ; —
Отключилъ и отграничилъ,
  Чтобъ ся съ нею не знати,
Чтобъ ей прелюбезный образъ
  Никогда не видати;
Отлучилъ и во чужину
  Въ заточеніе отвлекъ,
Чуждым духомъ и образомъ,
  И страннимъ платьем облекъ
Теперь мы ужь отдалены,
  Я мамку, она мене

Не познаетъ; и се дѣло
  Должайшаго времене;
О мы природной радости
  Взаимно не чувствуемъ,
Пріятныхъ взоровъ лишены
  Общу любовь не чуемъ; —
Насъ пространство отдѣляетъ,
  Береги несровнимы,
Насъ глубоки рѣки, бездны,
  Моря непроходимы;
Мы не слышимъ взаемный плачь,
  Тяжкій вздохъ и трудный жаль,
Единострастна наша тужба,
  Но безсогласна печаль!
Я чувствую болѣзнь твою,
  Знаю что тяжкій жаль твой,
Непокрыты твои слезы
  Двигнутъ и мой непокой;
Хотяй бо ты въ свойственности
  Довольно пребываешь,
Однакожь родное дѣтя
  Со всѣмъ не забываешь;
Хоть тебе увеселяютъ
  Славнородны дружины,
Но со всѣмъ тѣмъ оскорбляютъ
  Горесть и плач дѣтины; —
Горесть то есть несносима
  Исключеніе оно,
О не можно мнѣ забыти
  Сладко Мамушки лоно!
Бо хоть куда повернуся,
  Немедленно, и тотъ часъ
Восторженъ аки въ сладкомъ снѣ
  Вижу только твой образъ;
Одну тебе весь желаю,
  Тебе въ мысли и дусѣ,

Тебе въ зеркалѣ чистыхъ водъ
  Вижу и на воздусѣ.
Въ благомъ дождѣ ображаю
  Источники твоихъ слезъ,
Въ силныхъ вѣтрѣхъ понимаю
  Дыханіе твоихъ персъ;
Въ сей часъ восторгъ густу печаль
  Слезы в мигъ розливаю,
Сердца язву болестный вредъ
  Разжегъ, смерти желаю.
Часто въ шутномъ безуміи
  Себе не зная бѣжу
Без цѣли, возмущенъ часто
  Якъ бездушный трудъ сижу,
И стеня жалобнымъ гласомъ
  Въ тужбѣ тщетно странствую,
Но и въ самой той жалобѣ
  Бѣдну радость чувствую;
Бо въ смятеніе приведенъ
  Съ тобой разговоръ сную,
Тебе крѣпко обнимающь,
  Душей ти присутствую,
И слезы страсти точаться
  Въ мигѣ якъ тучи наремны;
Но вся страсть есть неполезна,
  Мои труды даремны;
Бо, о горе! между нами
  Есть велика широта,
И хотяй мамушку маю,
  Однакожь я с и р о т а!

УБѢГША СВОБОДА.

Безъ друга и безъ милой
  Самъ брожу по лугах,
Сердцемъ, душой унылой
  Один по берегахъ;
Вперъ очи на поточки,
  Слезми ся смачаю,
Но сердечныи точки
  Тѣмъ не облегчаю.

Зрываю хоть цвѣточокъ,
  Но в мысли говорю,
Кому сплету вѣночокъ,
  Кого ннмъ подарю?
И тогда въ мигъ познаю,
  Что всегда жалѣю,
Что самотный воздыхаю,
  Друга не имѣю.

О ужь я теперь вижу,
  Что безъ милой утѣхъ,
И покой не нахожу,
  Все ми мерзость, все грѣхъ,
Ґорко стеня рыдаю;
  Скорблю на самотность,
И сейчас проклинаю
  Убѣгшу свободность.

СВОБОДА.

Любо граетъ, быстро терчитъ
  Птичка въ румной зорицѣ,
Изъ вѣтки на вѣтку летитъ
  По зеленой дебрицѣ;
    Рябы луги
    И береги
Ей служать и веселятъ.

Но нешастна, непозорна
  Коль другочка глядаетъ,
Бѣдна птичка, непокойна
  Въ мрежу ловца впадаетъ;
    Птичка скучитъ,
    Ловецъ плещитъ,
Она плаче, онъ скаче.

Такъ я слезы проливаю,
  Убѣгшую свободу
Обрыдая, все страдаю
  Мою участь молоду.
    Но ужь поздно,
    О то грозно,
Во вѣки плѣненну быть!

НЕЗАБУДКА.

Ой пойду я по долинахъ,
    По зеленыхъ развалинахъ,
Пойду где птички пѣютъ,
    Где пестры цвѣты цвѣтутъ;
Снайду и тамъ цвѣтокъ драгій,
    Что ми наганетъ вѣкъ благій;
Мой цвѣточокъ не румяный,
    Не златоглавъ, не жолтавый;
Мой цвѣточокъ маленькій,
    Не пестрый не бѣленькій;
Мой цвѣточокъ вида того,
    Якъ очко мого милого,
Онъ якъ небо сивенькій,
    Прелюбезно миленькій,
Онъ не ростетъ во городахъ,
    Во полатахъ, нѣжныхъ садахъ;
Но цвѣнетъ подъ бережкомъ,
    За черчащимъ поточкомъ;

Не маетъ пахъ благовѣнный,
Бо онъ естъ якъ я невинный;
Онъ не вонитъ, не тронетъ,
Лишь весело все цвѣнетъ;
Той цвѣточокъ одинъ видѣлъ,
Коли мя милый увидѣлъ;
Коли мене полюбилъ,
Цвѣтокъ сей свидѣтель былъ,
Сей цвѣточокъ одинъ слышалъ,
Что ми мой миленькій шепталъ.
Коли ми давалъ ручку,
При зеленомъ поточку;
О ты цвѣтку добрѣ знаешь,
Бо то еще памятаешь,
Якъ онъ тебе изсорвалъ,
И мнѣ во подарокъ далъ,
И говорилъ: ты миленька,
Сердце мое, ты драженька,
Молю тя моя буди,
И мене не забуди;
Якъ ми сіе слово сказалъ,
Въ лице, и ротъ мя полобзалъ,
Сивы очка заслезилъ,
И такъ далѣй говорилъ:
Если ты моя будешь,
Альбо мя въ сердцѣ забудешь,
Такъ исчезнетъ и мой цвѣтъ,
Унылый будетъ мнѣ свѣтъ.
И сказалъ ми: да сей цвѣтокъ,
Будетъ достовѣрный свѣдокъ,
Что мы собѣ вѣшали,
И любовь обѣщали;
И про то онъ Незабудка
Наречется ажь до вѣка,
Мы его не забудемъ,
Пока едно не будемъ.

О ПРИДВОРНОЙ ЖИЗНИ.

Въ нѣжныхъ дворахъ я долго жилъ,
Горкую сладость вкусилъ,
Властемъ все подданый служилъ,
Злое добро искусилъ;
Многоразъ высоко сидѣлъ,
Многоразъ былъ потупленъ,
Много дурныхъ — мудрыхъ видѣлъ,
И самъ былъ часто плѣненъ;
Не желалъ я, что на свѣтѣ
Только достати власти,
Трудился во всемъ животѣ
Ради славы и сласти;
О коль много нощей не спалъ,
Непремѣнно трудился,
Въ искушеніе часто впалъ,
Но инымъ не журился;
Токмо милость Владѣтеля
Получити и любовь,
Токмо пышна Властителя
Прелестити съ нову въ новъ,
Я веселымъ показался,
Хотяй дуже смутный былъ,
Я покорно снизовался,
Хоть бодрый духъ мя будилъ;
Воля Господина мого
Была воля и моя,
Я осторожно внималъ того,
Не чувствовалъ покоя;
Коль Господинъ мой смутился,
Тогда я ся зармутилъ,
Коль онъ плясалъ, веселился,
Я съ нимъ ся все веселилъ:
Коль уныло болѣзновалъ,
Я ему страстно съжалѣлъ,
И хотяй боль не чувствовалъ,

Тучею горко слезилъ;
Когда онъ брашно*) показалъ,
Я тогда голоденъ былъ;
Словомъ: что онъ мнѣ показалъ,
Я на тое повторилъ.
Если онъ малый мракъ видѣлъ,
Я громку бурю сказалъ,
Коли онъ дождокъ увидѣлъ,
Я ему громы признaлъ;
Словомъ: я всегда ему жилъ,
Ему спалъ, ставалъ, и ѣлъ.
Ему тѣломъ, духомъ служилъ
Но я его не любилъ!
Бо то есть ставъ придворнаго,
Что бы онъ и свой не былъ,
Чтобы его покорнаго
Властитель видѣлъ, любилъ;
Такъ якъ мотыль легкомыслый
По цвѣточкахъ лѣтаетъ,
Но онъ для себе промыслый,
Лишь сладкій сокъ срываетъ;
Такъ прелетна пчела въ поли
Цвѣточкамъ ся кланяетъ,
Но всегда по своей воли
Медъ отъ всѣхъ высысаетъ;
Выссавше же сокъ отъ него,
Цвѣточка оставляетъ,
Когда же усхнетъ, на него
Болше и не внимаетъ;
Такъ я Верхняго почиталъ,
Не чтобъ ему послужилъ,
Но о томъ лестно мудровалъ,
Чтобъ собѣ полезный былъ.
О придворный! властямъ преданъ,
Онымъ всегда служити

*) Брашно — пожива, страва. (Зам. выд.)

Есть повиненъ, горкимъ сластемъ
И мамманѣ жертвити,
Своей онъ не чуетъ воли,
Зависть и страхъ со всѣхъ странъ,
Онъ отрекся своей доли,
Лестникамъ есть весь преданъ;
Онъ въ тыхъ мѣстахъ пребываетъ,
Где бы и самъ нѐ хотѣлъ,
Кратку потѣху познаетъ,
Но стораз ю претерпѣлъ;
Что въ сердци, души чувствуетъ,
То не смѣетъ сказати,
Слѣпый, нѣмый, и не чуетъ,
Самъ ся не може знати;
Любимцямъ послѣдовати
Долженъ, хоть ихъ не любитъ,
Себе низко поддавати
Знаетъ; — самъ себе губитъ;
Многоразъ и любимому
Мальчику ся кланяти,
Дары приносити ему,
Повиненъ ся вручати;
Бо то мальчикъ любый слуга
Много можетъ шептати,
Коли лестно Господина
Ведетъ на покой спати;
Часто псичка господняго
Повиненъ есть гласкати,
И якъ бы представленнаго
Долженъ лестно ласкати;
Неправедность похваляти,
И врага полобзати,
Господень дворъ похвалити,
Пріятеля не мати;
О вѣрности говорити,
Хотя ю не познаетъ,

Чудная дѣла творити
Долженъ, хоть ничь не знаетъ.
И про сію тяжку службу
Яка ему заплата?
Про всю старость, про всю тужбу
Есть надежда богата!

ЖАБА.

(По Лаборскому выраженію.)

Што тамъ кричитъ,
А што гучитъ
Якій дѣдко наператъ?
Ци то рано, ци то сночи,
Ци въ полудне, ци въ полночи
Скарѣдно ся раздератъ?

Чей сорока
Бѣлобока?
Чей ворона ся давитъ?
Скреже зубами: кра, кра, кра,
Дусится грудьми: ква, ква, ква,
Ачей дѣдко ся бавитъ?

То мереке,
То береке,
Коа, третре, тритри, тавъ;
Гучитъ ги сова: гу, гу, гу,
Скучитъ ги тутокъ: ту, ту, ту,
Бреше ги песъ: гавъ, гавъ, гавъ.

То не птица,
Бо галица
Не на деревѣ черчитъ.
Ай по млацѣ чеперится,
И у воду занурится,
По болотѣ верещитъ.

Теперь знаю,
Понимаю,
Што за бѣда такъ бреше:
То страпата, коропата
Жаба ряба; ой проклята
У болотищу креше.

О ждай ряба,
Брыда жаба,
Дѣдко бы тя бравъ, и чортъ!
Придутъ Нѣмцы, рукавицы
Стягнутъ ти и ногавицы,
Замовкне твой громкій ротъ.

ВРУЧАНІЕ.*)

Я Русинъ былъ, есмь и буду,
Я родился Русиномъ,
Честный мой родъ не забуду,
Останусь его сыном;
Русинъ былъ мой отецъ, мати,
Русская вся родина,
Русины стестры и браты
И широка дружина;
Великій мой родъ, и главный,
Міру есть современный,
Духомъ и силою славный,
Всѣмъ народамъ пріемный.
Я свѣтъ узрѣлъ подъ Бескидомъ,
Первый воздухъ русскій ссалъ,
И кормился русскимъ хлѣбомъ,
Русинъ мене колысалъ.
Коль первый разъ отворилъ ротъ,
Русское слово прорекъ,
На *азъ буцѣ* первый мой потъ
Зъ молодого чела текъ.

*) **Вручаніе**=приреченіе, шлюб. (Зам. выд.)

Русскимъ потомъ я питанъ былъ,
Русскимъ ишолъ расходомъ
Изъ широкій свѣтъ; но не забылъ
Съ своимъ знатися родомъ. —
И теперь, кто питаетъ мя?
Кто кормитъ, кто мя держитъ?
Самое русское племя
Мою годность содержитъ!
Прото тобѣ, роде мой,
Кленуся живымъ Богомъ,
За печальный потъ и трудъ твой
Повинуюся долгомъ. —
И отдамъ ти колько могу,
Прійми той щирый дарокъ,
Прійми вотъ маленьку книгу,
И сей писменный рядокъ;
Прочее же не забуду,
Сердца моего скруху
Пожертвити; — я твой буду,
Твоимъ другомъ и умру.

ВѢЧНОСТЬ.

Где вселены межа послѣдня,
И предѣлъ непреходимый,
Котораго и мысль негодна
Понять, ни превосходимый
Умъ, — где тѣлесное вещество
Перестанетъ, и все существо;
Тамъ неизмѣрна глубина,
Все празность, пуста пучина,
И бездна безконечна.
Тишина всюду постоянна
Якъ непреплавный понтъ стоитъ,
Безъ жизни все жизнь непрестанна,

Где свѣтъ, мракъ вкупѣ ся споитъ,
Тамъ пространство безъ мѣры, безъ числъ,
Которое острѣйшая мысль
Когда познати желаетъ,
Якъ искра гнеть пропадаетъ,
И умъ въ слабости падетъ.

Сіе мы Вѣчность называемъ,
Неизмѣрное существо,
Безъ начала цѣль узнаваемъ
Безъестественно естество,
Что было, эсть, будетъ безъ творца,
Начала незная, ни конца,
Въ себѣ отъ себе сложенно,
И никогда воплощенно,
Тли, смерти неискусно.

Все бывше въ томъ пропадаетъ,
Сіе всѣхъ существъ сборище,
Что лишь живъ, тамъ долгъ отдаетъ,
Тамъ счезнетъ все сокровище,
Якъ быстро текущи потоки
Сольются въ глубокія рѣки.
Съ ними въ морскую глубину
Валятся въ бездну, въ пучину
Потеря свой прежній ставъ.

Тамъ міріады неисчисленны
Различныхъ народныхъ племенъ,
И сѣни бывшихъ несмысленны
Сладостно претекшихъ временъ.
Они якбы несутствовали,
Безъ отличія всѣ пропали,
Якъ счезъ соломяный пламень,
Якь въ глубину бросенъ камень
Незапно минулися.

Таже Вѣчность неописана
На безграничномъ престолѣ
Царица всѣхъ времень преславна

Владѣя въ широкомъ полѣ,
Якъ бездное море всѣ воды,
Притягаетъ къ себѣ дни, годы,
Вся времена изъ своихъ лонъ,
Высылаетъ во міръ сей вонъ,
И съ нову ихъ покличетъ.

Времена ей Сыны, и дщери,
Несчислимое множество,
Полны сѣни, дворы, пещеры,
Все непрестанно торжество,
Они тли, и смерти незнаютъ,
Непрерывну жизнь ощущаютъ,
Якъ быстрая рѣка текутъ,
Но во вѣки неистекутъ,
Имъ день и нощь все одно.

Гнетется толпою множество,
Годовъ, они однородны,
Непремѣнное ихъ эстество,
Всѣ себѣ со всѣмъ подобны,
Время имъ все настоящеэ,
Имъ прошедше, и будущеэ
Неискусно, хоть годины
Текутъ бѣгомъ, но сѣдины
Никогда имъ прибудутъ.

То эстество непохопимо
Умомъ, ниже доводами,
Или спорами изяснимо
Ни мудрости нарадами,
Оно вида круглаго кольца,
Безъ преимущества, и конца,
Въ себѣ, отъ себе, собою
Сталося Божею судьбою,
Все живетъ, и все живитъ.

И тѣмъ кольцомъ непостижимымъ
Временя снуются кругомъ,

Постоянно зыблютъ движимымъ
  Еластическимъ упругомъ,
Хотяй другъ за другимъ ся снуетъ,
Но другъ другу непрепятствуетъ,
  Якъ все текущи ручи,
  Якъ сіяющіи лучи
    Безъ перепонъ споятъся.

Вѣчность! Царица безгранична
  Зрящи движеніе дѣтей,
Своихъ, безъ уваженыя лична
  Пускаетъ ихъ рядомъ въ міръ сей,
Назначая имъ теченія,
Но не подасть поученія
  Правомъ, волею, страстію
  Обдаряетъ ихъ властію
    Чтобъ владѣли, якъ знаютъ.

И они сей часъ полновластно
  Приходятъ по едину въ міръ,
Узду правленій безъопасно
  Схватятъ, не имѣя примѣръ,
Часто скорбь, бѣды приношаютъ,
Земнымъ въ горестный вздохъ брошаютъ,
  Мѣсто доли племнымъ жаромъ,
  Часто огненнымъ ударомъ
    Показуютъ своихъ силъ.

Се одинъ безумнымъ выходомъ
  Вознесся вселены на тронъ,
Все смѣшаетъ шутымъ разводомъ,
  Якъ безъ опасный Фаетонъ; —
Другій гордымъ духомъ приходитъ,
Бунтъ, мятежъ, и войны наводитъ, —
  Третій сыплетъ на нивы гладъ,*)
  Нося земному смерть и гладъ,
    И на то лишь смѣется.

*) Чи мае быти „хладъ" ? (Зам. выд.)

По слѣпому случаѣ бѣжя
  Краткаго теченія кругъ,
И нагубу свою не вѣжя
  Съ кругомъ избываетъ вдругъ,
Безъ надежды воскресенія
Скончавъ бѣлъ свого теченія
  Отдаетъ другому узду,
  И сей часъ дѣлъ достойну мзду
    Во пропасти пріемлетъ.

Избывъ; — но никогда избудетъ,
  Пропасть его безсмертна жизнь,
Безпечальна где страсть пребудетъ,
  Откуду странна есть болѣзнь,
Где сладкій покой живоносный,
Свѣтъ свѣтовъ никогда учасный,
  Тамъ въ объятій матернихъ лонъ
  Воздремлетъ непрерывный сонъ,
    Сладости весъ наполненъ.

О Царице вѣковъ могуща!
  Пріими ужъ скончавшійся годъ,
Въ твое лоно, — прощающа,
  Подай му благій переходъ; —
Но молимъ тя, помяни насъ съ новъ,
И пôсли намъ отъ твоихъ сыновъ
  Премудраго, покорнаго,
  Покойнаго, и мирнаго,
    Человѣколюбнаго.

Вмѣни ему крѣпкой силы
  И благоразумія даръ,
Затули му жестокы стрѣлы,
  Угаси наремности жаръ,
Чтобъ праведно, и благосклонно,
Всѣмъ изъ обиліемъ исполно
  Управлялъ по твоей волѣ,
Пріятельно нашей долѣ,
    Бѣднымъ смертнымъ угожалъ.

ХРАМЪ ЛЮБВИ.

Сонъ то былъ, или истина,
Уже и самъ незнаю,
Не былъ то сонъ мнѣ видится,
И не подозрѣваю,
Я бодрствовалъ и все живо,
И все свѣжо памяталъ,
Чего видѣлъ, чего слышалъ,
Все такъ ясно ображалъ,
Что я видѣлъ, чисто скажу,
Но ты больше ображай
На случай внимающь мысли,
И прилѣжно уважай:

Былъ то якій главный праздникъ,
Время года весное,
Все весело, ясно, свѣтло,
Все было прелестное.
Вылуденъ самъ погодою
Въ тяжкихъ мыслехъ безъ друга
Вышелъ на здоровый воздухъ
Для прогулки на луга,
Такъ что на крутину горы
Выбѣгнути не былъ трудъ,
Одна мысль, — и я на горѣ
На прекрасной дебрицѣ,
Между пестрыми цвѣтами,
Во прелестной рощицѣ.
Не знаю, якъ въ пріятномъ снѣ
Чувствовалъ вся чудеса,
Восторженъ якъ сивій соколъ
На лазурны небеса.
Довольствіемъ восхищенъ весь
Благовонный воздухъ ссалъ,
Горѣлъ непонятным огнемъ,
Сердцемъ, душею плясалъ. —

Тутъ зеленая рощица,
Прохлаждающій лѣсокъ,
Бѣлохребетны березки
Выливали вкусный сокъ,
А тамъ на окрестныхъ поляхъ
Мирточки возрастаютъ,
Ни хладъ, ни стногости зимы
Во вѣкъ не ощущаютъ,
Тутъ на косматомъ горбику
Столисты розы, а тутъ
Синьо-зеленый бервѣнокъ,
И пестры цвѣты цвѣтутъ.
Нарциссы благовонныи
Превозносятъ благодать
Сыплютъ пріятнѣйшій запахъ
Драгоцѣнныхъ ароматъ,
По подъ холмикъ по каменькахъ,
Въ круто-быстромъ ярочку
Журчащій поточокъ шумитъ
По сребряномъ пѣсочку,
Тамъ рыбятка золотыя
По скалочкахъ свиваютъ,
Солнечной зари дражая
Блескъ лучой отбиваютъ,
Въ зеленой травцѣ прелестно
По берешкахъ поточка
Цвѣнетъ сиво-ока краска
Мила незабудочка.
Свавольныхъ, и дерзкихъ птичокъ
Громогласно пѣніе,
Жаркій концертъ, пріятное
Тонко-щебетаніе
Непремѣнной весны знаки,
Похотливый тонъ даетъ,
Сладострастное серденько
Напрасно пробиваетъ;
Тутъ на зеленой голузкѣ

Страстный голубокъ гурчитъ,
Отлетѣвшей голубицѣ,
Отсутствіе го мучитъ,
Тутъ два любящи горлички
Радостно прилѣтаютъ,
Дзьобокъ дзьобку прилучивши
Подружно ся витаютъ,
Искусно гнѣздочко снуютъ
Изъ власнихъ своихъ перокъ,
Внимательно очищаютъ
Всяку грязь и всякъ порокъ,
Чтобъ птенчата, якихъ уже
Надежда вказуетъ имъ
Возлежали, воспитались
Покоемъ и сномъ сладкимъ; —
Пестра бабочка тутъ летитъ
Среди столисточнихъ розъ,
Съ листка къ листку прилипаетъ,
Граетъ коло мѣлкихъ лозъ,
То на воздухѣ вертится,
То на травку ся садитъ,
То зыблется цвѣтнымъ лугомъ,
За другочкомъ ся валитъ,
Лучи мѣнитъ, пролетаетъ,
Найшлася съ рябымъ другомъ,
Къ верху къ низу прелестаетъ
Въ передъ, назадъ и кругомъ
Колько оком зазрѣти могъ,
Примѣчалъ тамъ одину
Шовкотравну прохладисту
Зеленую долину,
Тамъ сивое стадо вкупѣ
И се знатнаго рода,
Якое лишь сплодить могла,
Благодарна природа,
Бродило по тучныхъ лугахъ
Любезно ся играя,

Якъ бы себѣ извѣстити
  Желало вся драгая;
Рогатый волъ яко елень
  Летитъ и невнимая
Что между нимъ и телицой
  Есть бездна глубокая,
Юну теличку рогами
  Вкругъ*) бѣжя нимаетъ,
Притулился къ ней любезно
  На согласъ умоляетъ. —
Все мене увеселило,
  И хотяй бы сердецъ сто
Имѣлъ, не могъ бы исполнить
  Мой восторгъ, тое чувство,
Бо обратився увидѣлъ
  Неисповѣдимый блескъ,
Занѣмилъ, удивился весь,
  И руками лишь восплескъ,
И что сіе? — Предо мною
  Движется горда гора
Изъ патокаго золота,
  Изъ чистаго порфира,
Верхъ ней отъ драгихъ каменей,
  Велелѣпно богаты
Вкусно устроенный замокъ,
  Огромныи палаты,
Велелѣпно строеніе;
  Стѣны адамантовы
Блестящихъ звѣздъ превосходя
  Окна брилліантовы,
Величественныя двери
  Изъ кристалловъ румяныхъ
Легонько отвераются
  На завѣсахъ сребряныхъ,
Округъ райскія дерева,

*) Для ритму треба читати „в о к р у г ъ“. (Зам. выд.)

Листя: смарагдъ зеленый
И все прохладающа тѣнь,
Воздухъ оживительный;
Тамъ огромное множество,
Толпа гомзитъ народовъ
Всякого пола, и чина,
Различныхъ всякихъ родовъ,
Найбольше молодыхъ юношъ,
Сильныхъ храбрихъ воиновъ,
Богатырей, бояръ, вельможъ
Без отличія чиновъ,
Тамъ и старикъ возмагался
Во образѣ молодця,
Забыв ломотных болѣзней,
Держя себе за хлопця
Укрѣпляся сильнымъ жаромъ
Сѣду главу зачернилъ,
Важный золотомъ кошелекъ,
Руки тряся, отворилъ,
Тамъ подпертый кулягою,
Бѣдный калѣка стяжалъ,
Скочилъ хромый яко елень,
Недугъ свой неуважалъ;
А прелестныя дѣвушки,
Украшенныя шолкомъ,
Гнетутся, и взоры мечутъ
Посмѣхуючись ротомъ,
Между тѣми покашлюетъ
Безъ зубовъ и безъ слуха
Морщинами, и капрами
Скарѣдная старуха,
Словомъ: то былъ великій смѣсъ
По вольшебныхъ сторонахъ,
Одна радость, никака грусти
На земли, на небесахъ.
Средъ аметистой площады
Стоялъ высокій больванъ,

Велелѣпный всюду златомъ
  Отъ верхъ до ногъ окованъ
На вершинѣ отрокъ стоялъ,
  Стрѣлку держя во рукахъ,
Мѣрялъ гевъ тамъ безъопасно
  По веселыхъ серденькахъ.
Сей былъ прелестный Купидонъ,
  Сердецъ и чувствъ нѣжныхъ царь,
Тутъ ему съ золотыхъ стрѣлокъ
  Строенъ былъ дивный олтарь,
Сей былъ пречудный жертвенникъ,
  Ему все ся кланяетъ,
И той вѣчными судьбами
  Довольно управляетъ,
На жертвенницѣ тамъ горѣлъ
  Пламенъ неугасимый,
Съ восторгомъ тутъ присутствовалъ
  Всякъ жертвы приносимый,
Служители му коварство,
  Прелесть, нѣжность и обманъ,
Лукавство; — — всѣ приносили
  Дымящій тутъ фvміанъ. —
Любопытность распалила
  Мой духъ; сей часъ приступилъ
Къ мнѣ юношъ, я о волшебныхъ
  Мѣстахъ его вопросилъ,
Онъ рекъ: о ты нечувственный
  Отъ всѣхъ живоностей самъ;
Незная что А м о р а домъ,
  И природной л ю б в и храмъ?
Природа его отъ вѣковъ,
  Воздвигла съ простотою,
Искуства перстъ лѣпотною
  Оздобилъ красотою,
Саму природу смѣлыми
  Онъ степенми превозошелъ,
Еднымъ из древныхъ чудесъ

Свѣтъ оный храмъ все почелъ
Тутъ растутъ желаемыя
Радости вкусны плоды,
Не требуя къ полной жатвѣ
Способныя погоды,
Во прелестной сей заботѣ,
И блаженной сторонѣ
Насыщается серденько
Въ глубочайшей тишинѣ
Что въ началѣ, что отъ вѣковъ,
Коль вселенна востала,
Мати природа щедрою
Рукою изліяла
Вѣчное спокойство живетъ
Тутъ, прохладны, ясны дни
Довольствія, вѣчна радость
И обилія одни
Пріятности, согласія
Все солодкій тон*)
Утѣхи, и любезна страсть,
Радость, сладость съ всѣхъ сторонъ,
Тутъ юность неперестаетъ,
Тутъ старость недостигнетъ,
Морщина лицъ, очей язва
Бодрую мысль не пригнетъ,
Благихъ ароматъ разноситъ
Тутъ по воздусѣ зефиръ,
Сладкій звукъ весело звѣнитъ
Пріятныхъ и нѣжныхъ лиръ,
Игры, торжества, и лики
И плясы ежечасны
Обнятія сладки, пѣсны
Любезны, и согласны
Радостію исполняютъ

*) Нарушеный вѣршь; пропало може слово „нѣжный“. (Зам. выд)

Тихо внимающій слухъ,
И притомности вперяютъ
Въ нѣжно двигущійся духъ,
Который любезныхъ въ любви
Всесильно воспламенитъ
Ихъ чудесно одвороживъ
Другъ ко другому плѣнитъ,
Ту спѣшнѣйше прибѣгаютъ
Жарны серца съ ревніемъ,
Судьбу свою ожидаютъ
Съ чувственнымъ стремленіемъ,
Надежда имъ предходитъ, и
Являетъ свѣтлу зарю,
И приводитъ рукой любви
Ихъ къ благому олтарю,
Отъ туда имъ телескопомъ
Блаженство изнясняетъ,
Златы горы показуя,
Жадости осѣняетъ
Въ мечтальномъ образованіи
Колыбаетъ сладкимъ сномъ,
Обѣщая увѣряетъ
О всемъ благѣ небесномъ,
Связуетъ имъ вѣчно сердца,
Любезны снуетъ смѣхи,
И въ заемныхъ желаніяхъ
Обѣщаетъ утѣхи,
Непристанныя забавы
Вказуетъ и гевъ и тамъ,
Сіе радостей жилище,
Вотъ преславный любве храмъ. —
Я распаленъ па толь вкусныхъ
И пріемныхъ мнѣ красотъ,
Жарко горѣлъ и весь желалъ
Только чудесныхъ добротъ,
Весь возмущенъ якъ осѣка
Потрясся крѣпко бѣжалъ
Въ тую толпу вписатися

Сердцемъ, душею желалъ,
Уже бѣжу ко олтарю,
Но незнаю, якій духъ
Хватилъ за трясущусь руку
Сбудилъ печальнаго вкругъ,
И шепталъ: не такъ напрасно,
Постой посмотри той храмъ,
Внутреннѣйшимъ взоромъ, и виждь
По обѣимъ сторонамъ,
Сіе рекъ и спѣшно привелъ
Въ сосѣдныя долины,
Показалъ пышнаго храма
Смутныя развалины,
Се! тутъ мѣсто золотыхъ горъ,
Мѣсто драгихъ каменей
Показалася пустыня,
Дымъ сыровыхъ пламеней,
Мѣсто зеленящихъ луговъ
Мѣсто миртусовыхъ лозъ,
Мѣсто благовонныхъ цвѣтовъ,
И разнаго пола розъ
Бодаки, драхлыя верьбы,
Залишенный перелогъ,
На немъ бурянъ, и горкій хринъ,
И колячій дикій глогъ.
Ужасно зрилище! мѣсто
Радостливыхъ родовъ всѣхъ
Напалъ плачъ, и стеняніе,
Тамъ ужъ нѣтъ больше утѣхъ!
Не разноситься любовю
Сладо-страстно пѣніе,
Тамъ страхъ, жалоба, и отвратъ,
Окрутно терпѣніе,
Тамъ дурно подозрѣніе,
И чувства непокой рветъ,
Унылость, грѣхъ, и мерзивость
Отъ злыхъ взаимныхъ клеветъ.

Непріятна буря, темно
  Страшный ужасъ голоситъ
Громовый блескъ, и клеветы
  По воздусѣ разноситъ,
Где ядовитая злоба
  Выливаетъ тяжкій жаль,
Ненависть, досады, и гнѣвъ,
  Мрачны скорби, и печаль; —
То есть радость Купидона
  Сей бываетъ его храмъ,
Он на тое рукоплещетъ,
  О ужасный той тиранъ,
То бываетъ часто бѣднымъ
  Средъ ужаснаго двора,
О ту суть слѣдствія любви
  То забавы, то игри!
Такъ всеможный лестный божокъ
  Весь міръ одушевляетъ,
Ложны прелести нещастно
  На слабыхъ розливаетъ,
На той подвигъ смѣшно съ трона
  Позираетъ яко Богъ,
Нещастныхъ жертвъ безчувственно
  Главы зритъ у своихъ ногъ!
Я видѣвъ печальный составъ,
  Толь прелестныхъ радостей,
И слѣдствія нѣжней любви,
  Толь нещастныхъ пакостей,
Въ стремленіи удалился,
  Бѣжалъ отъ сластныхъ гробовъ,
Презрѣвъ нещастны утѣхи,
  И проклялъ лестну любовь.

ЛЮБОВЪ МИЛОЙ, И ОТЕЧЕСТВА.

Помни, помни любезный другъ,
  Что ты менѣ говорилъ,
Коль жаромъ твой горящій духъ
  Мое сердце отворилъ;
Когда невинна наша жизнь
Одна радость, одна болѣзнь
  Была, и взаимна страсть, —
Когда всѣ наши успѣхи
Были сладкія утѣхи,
  И весь міръ лишь одна сласть

Непоминай, ужь минуло
  Перешло тое время,
Тое сердце застынуло,
  Оно мнѣ тяжко бремя,
Бо насъ о предѣлъ нещастный
Граничить, и той ужасный,
  Судьбиною раздѣлитъ,
Покорися ея власти
И ты, забудь сія страсти
  Мнѣ не вольно ужь любить.

О жестокій! мнѣ забыти
  На вѣки неможь тебе,
Я щастна не смѣю быти
  Никогда кромѣ тебе,
Безъ тебе моя жизнь мертва,
Я лести, обмана жертва,
  Я на вѣки уныла; —
Коль ты прелестнымъ обманомъ
Стался врагомъ, и тираномъ
  Той, что ти была мила.

Непоминай лесть, и обманъ,
Той грѣхъ мене не ранитъ,
Я высшею силою званъ,
Она мене охранитъ,
Отдѣла сего причина
Не я, но строга судьбина,
Противо ней кто годенъ?
Она то опредѣлила,
Чтобы ты моя не была,
И чтобъ нашъ жаръ безплоденъ.

Судьба, судьба, о нещастна
Тажь мене осудила,
О свирѣпа, о ужасна,
Невинну погубила,
Но однако все ты виненъ,
Чему былъ судьбѣ повиненъ,
И чему мене любилъ?
Ты участь твою предвѣдилъ,
Ты и мою тоску видѣлъ,
Чему духъ твой неоткрылъ?

О не мучи сердце страстно,
Пространный для тебе свѣтъ,
Не мучись тоской напрасно,
Для насъ уже любви нѣтъ,
Мене бо пламень знатнѣишій
Палитъ и превосходнѣйшій
Невгасимый его жаръ,
Мене зветъ сила природна,
Исторнетъ любовъ народна,
Я ей пожертвился въ даръ.

ТОСКА НА ГРОБѢ МИЛОЙ.

Подувай вѣтрику
Подувай легонько,
Няй моя миленька
Спочине тихонько,
Двигнися печально
Въ глубокой жалобѣ
Не дерзай вѣяти
На ей чорномъ гробѣ,
Опасно[1]) прелети,
Чтобы твоя сила
Моей милой покой
Непоколотила. —
Румяна розочко
Тихо развѣвайся,
На ей тяжкій гробикъ
Со всѣмъ не склоняйся,
Бо подъ нимъ другая
Розочка якъ и ты,
Вѣчно почиваетъ,
Лишена красоты. —
Веселы птичечки
Тихо щебетайте,
Надъ зеленымъ гробомъ
Опасно[1]) лѣтайте,
Чтобъ моя миленька
Въ матерней утробѣ
Сладко почивала
Въ томъ незрѣломъ гробѣ.
Нощныи туманы
Отъ тудъ убѣгайте,
Сладко — покойный ей
Сонъ не возмущайте;
Лишь дряхла верьбочко
Смутно розвѣвайся,

По зеленой дерни
Щедро разширяйся,
Спусти доловъ тонки,
И гиблящи лозы,
Чтобъ тамъ недостигли
Кудрявы морозы.
Шумящій поточокъ
Разливайся съ тиха,
Бо ты былъ нѣкогда
Ей блага утѣха,
Разливайся тоской
Горни вся напасти,
Бы ю не всбудили
На новыя страсти,
Ручейку не шуми,
Бо мои жестоки
Очи проливаютъ
Довольно потоки.
Они совокупно
Споены тоскою
Прольются, потекутъ
Ужасно рѣкою; —
Удалитесь отъ сюдъ
Таже древни смѣхи,
Радости, забавы
Пустыя утѣхи,
Бо тутъ пребываетъ
Безконечни печаль,
Стонъ, плачъ, ужасъ, и боль
Тяжарь сердца, и жаль;
Сюда незасвѣтитъ
Золота денничка,
Ани не запѣетъ
Прелестная птичка,

[1]) хиба: уважно, бо „опасно“ тут без смысла.

Кромѣ, чей заблудша
Лишена другочка
Прилетитъ на горкій
Стонъ сива горличка. —
Столисточна роза
Тутъ ся не развѣетъ
Где моя миленька
Смутно ся разгніетъ,
Она разпадется
Безъ болѣзни, смутка,
Моего серденька
Вѣчна незабудка!
Лишь на ускомъ гробѣ
На смутной могилѣ
Будетъ зеленѣти
Трава въ каждой хвѣлѣ,
Будетъ буйно расти
Травочка зелена
Моими слезами
Щедро орошена,
Будетъ незабудка
Жолто — синьо цвѣси,
Моему серденьку
На жалобны вѣсти.
Бо я ю острожно
Буду сокотити,
Отъ всякой напасти
Прилѣжно хранити.
На дерновый холмикъ
Все позоръ давати,
Горкими слезами
Его поливати.
Я коль невозмогу
Лично сутствовати,
Жалостная душа
Тутъ будетъ стеняти,
Тутъ я въ смутной мысли
Непрерывно буду,
Пока ся не мину
Пока ся не сбуду.
А коль я осладну
Отъ жаркой жалобы,
Побѣжденъ судбою
Нещастныя злобы,
Вы братя помните
Мою страстну тужбу
Учиньте послѣдну
Падшему ми службу
При миленькой гробѣ
Яму ископите,
Сосхнутое тѣло
При ней погребите,
Изсѣчте памятникъ
Въ кожѣ смутной вербы,
Да будетъ свидѣтель
Двухъ сердецъ жалобы,
Да каждый увидя
Дерновый той покровъ,
Скафетъ пожалуя;
Се тутъ лежитъ любовъ.

ОБРАЗЪ ЖИЗНИ.

Я подъ тѣнью столѣтнаго
  Дуба глубоко внуренъ
Бросясь внутреннимъ ужасомъ,
  И трепетомъ пораженъ,
Безъ чувства какъ бездушный трупъ,
  Безъ мысли въ мысляхъ горѣлъ,
Участь смертнаго взирающъ,
  Надъ жизнею разсмотрѣлъ;
И видѣвъ что любезный свѣтъ
  Сердцу, души, чувствамъ плѣнь,
Есть дочастна радость, и тѣнь
  Ничтожество, прахъ, тлѣнь,
Видѣвъ якъ солнце заходитъ,
  Сгинетъ такъ и краткій вѣкъ,
Якъ румяный цвѣтъ иссохнетъ,
  Изчезаетъ человѣкъ.
Мысль она видъ мой погаситъ,
  Сердца огень, жаръ утихъ,
А уста унылымъ стукомъ
  Покажутъ гнусливый смѣхъ.

МЫСЛЬ ВЪ НАЧАЛѢ ВЕСНЫ.

Когда со славой день съ небесъ снисходитъ вновъ,
И прелести всея природы пробуждаетъ,
И травка и цвѣтокъ, когда ко мнѣ вѣщаетъ:
Богъ мудрость есть, онъ есть предвѣчная любов;
Тогда душа моя о Богѣ взвеселилася,
О духъ мой! въ далекѣ ты вѣчнусть ощути,
Во вѣчную весну проникни, къ ней лети,
Неизглаголаннымъ ты благомъ усладися,
Быстрѣе къ вѣчности пари, пари духъ мой,
И въ настоящемъ ты пребудущее пой.

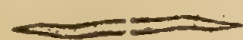
СЛѢПЫЙ И ХРОМЫЙ.

Стрѣтилися слѣпый съ хромымъ,
Стали розмовляти,
Кимъ способомъ собѣ въ свѣтѣ
Можнобъ помагати?
И вдругъ заклычился совѣтъ:
Взялъ слѣпый безнога,
А хромый му показовалъ
Куда есть дорога;
Сего очи, того ноги
Купно ся слагаютъ,
Такъ то бѣднѣ собѣ въ нуждѣ
Мудро помагаютъ.

НЕНАСЫТИМОСТЬ.

Знаешь, николи що не насытится? —
Пôдлои хтивости око:
Вкинь всѣ богатства, ще не наполнится
Ямы тои дно глубоко!

ОТЕЧЕСТВО.

1859.

Оборваный волоцюга
по улицамъ бродитъ,
въ розтерзанномъ карманушцѣ
ничто не находитъ.

Голый, босый, нечесаный,
небритый, немытый,
то все бѣда — а найбольша,
коль есть и несытый.

Откуду ты, чѣмъ несчастенъ?
Где твоя отчизна?
Где оставилъ ты родину?
Где твоя дѣдизна?

„Что до того мнѣ немного,
где я народился.
Я тутейшій и тамошній,
где хлѣбецъ сродился.

Добри люди работаютъ
не лишень про себе,
дадутъ кусокъ, пожалуютъ:
Далъ Богъ и для тебе.

Не журюся, притулюся
до чужого двора.
Ничого не потеряю,
не боюса вора.

Цѣлый свѣтъ моя отчизна,
я домъ не будую,
тамъ то мой рай, тамъ дѣдизна
где ся погодую.

Не думаю, не гадаю,
то мнѣ не на груди,
будьто языкъ, якій хотятъ,
говорятъ тамъ люди.

По мадярски, иль по польски,
или по хинянски,
да говорятъ здоровеньки
хоть и по цыгански.

Лишь сытое черевище
да будетъ — все равно —
и хоть румчикъ горѣлочки,
якъ то было давно.

□ □ □

ГОЛОСЪ РАДОСТИ.

Въ честь новопоставленному Митрополиту Львовско-Галичскому, Его Высоко-Преосвященстчу Григорію Барону Яхимовичу отъ Угорскихъ Русиновъ.

Зъ Галичского Львова-града бьется гласъ,
Радостную вѣсть заносить ажь до насъ,
За Карпатомъ громко вьется и звучитъ:
„Мужъ по сердцу Руси сталъ митрополитъ!“

Намъ пріятна вѣсть она отъ Галичанъ,
Тоже радъ бы каждый зъ нашихъ Погорянъ
Заспѣвати съ дружиною нову пѣснь,
Начинати новородну руску жизнь.

Бо свои то за горами — не чужи:
Русь едина, мысль одна з всѣхъ въ души;
То и Пастырь, что для всѣхъ тамъ есть Отцемъ,
Помнитъ, что мы также братья-Русь жіемъ!

А жіемъ тутъ тѣмже сердцемъ и душой,
Съ тѣмъ-же словомъ н во вѣрѣ той самой, —
Такъ, что если кто болѣетъ якъ-нибудь,
Нашой братьи боль такійже тиснетъ грудь.

Также само веселимся, если тамъ
Часъ веселый, Галичане, граетъ вамъ;
Вотъ, якъ нынѣ, увѣренье шлемъ до васъ:
Что Карпаты не розлучатъ вѣчно насъ.

Радуемся мы, бо знаемъ, кій-то мужъ
Станетъ голосъ подносити въ ночну глушь,
И якимъ Онъ чувствомъ дышетъ къ Отчинѣ,
И якъ всѣхъ Онъ тѣхъ розбудитъ, что во снѣ.

Промыслъ Божій и охранный Руси Духъ
Далъ Ему цѣлебны свойства отъ недугъ;
Тож мужайтесь, Галичане, не скорбѣтъ,
Онъ небавомъ ваши раны изцѣлитъ!

Онъ за церковь вашу станетъ и не дасть
Оскорбляти то, что дала вышня власть;
Онь найдетъ для васъ защиту у Царя,
И возсьяетъ лучшой доли вамъ зоря!

Да мы кликнемъ съ Вами: Боже помагай!
Прежня слава озарѣетъ рускій край;
Ничего враждебны силы не смогутъ,
Где Богъ, Царь и Архипастырь стерегутъ!

И спокойно и роздольно будетъ въ насъ, —
Лишь весело понесется рускій гласъ,
И Владыцѣ въ честь озвется громка пѣснь:
„Да живетъ Онъ многи лѣта счастну жизнь!"

ПѢСНЬ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА ВЕСНОЮ.

Лѣтай, лѣтай, жаворонку,
Въ воздуху кружи,
Заспѣвай мнѣ, и легонько
Щебечь до души.

Возносися надо мною
Къ солнечнымъ лучамъ, —
Мое сердце за тобою
Взлетитъ къ небесамъ.

Пой любезный пташку польный
Богу въ высотѣ,
Что онъ далъ сей животъ вольный
Менѣ и тобѣ.

Прославляй Его за дары,
Что намъ тутъ сослалъ,
За той дождь изъ теплой хмары,
Что ранкомъ упалъ.

И моли Его смиренно
О всю благодать,
Няй даритъ Онъ каждоденно
Нашу землю мать.

Най хранитъ Онъ нашу ниву
Отъ скваровъ и тучь,
Няй дасть росу незлобиву
И грѣющій лучъ.

Пой, молись, — а я посѣю
Здорове зерно,
Черно-землею накрыю —
Не сгибнетъ оно!

А як буйно намъ повсходитъ,
И въ дородный часъ
Щедро поле Богъ зародить,
Подѣлимся вразъ.

Такъ лѣтай же жаворонку,
Веселись, спѣвай,
Доколь нашу родиноньку
Видишь въ житья Май.

Бо не долго — и насъ скрыютъ,
Якъ зерна ось — тѣ,
Черно-землею зарыютъ
Въ глухой самотѣ.

Но не ровна будетъ доля
Межь нами тогда:
Мене ждетъ тамъ лучша роля,
Зъ тебе ни слѣда.

Духъ мой, якъ ядро зерняти,
Сдеретъ земну плѣснь,
И тамъ будемъ проживати,
Где безсмертна жизнь.

СЧАСТІЕ ЖИЗНИ.

Добрѣ тому, добрѣ,
Кто бѣды не знаетъ,
Кто малымъ доволенъ
Чуже не желаетъ.

И тому есть благо,
Кому власна хата,
Будь она маленька,
Будь и не богата.

Добрѣ тому, добрѣ,
Кто на власномъ полѣ
Честно работаетъ
Все по своей волѣ.

Добрѣ, якъ у кого
Польна есть калитка,
Или же согласна
И честна сосѣдка.

Добрѣ тому добрѣ,
У кого довольно
Насущного хлѣба,
И кушаетъ вольно.

И все тому благо,
Кому Богъ даваетъ
Здоровья, и въ каждомъ
Дѣлѣ помагаетъ.

Добрѣ тому добрѣ,
Кого побратимы
Любятъ и честуютъ,
И нимъ суть любимы.

Паче же всѣхъ лучше,
У кого красива
Жена, и роботна,
Тиха, незлобива.

Веселитъ въ погодѣ,
А въ бѣдѣ жалуетъ,
Въ счастью и несчастью
Однако милуетъ.

А якъ Богъ дасть дѣти:
Хоть, старость сближится,
Тѣшишся, что въ свѣтѣ
Родъ твой сохранится!

ПОЗДРАБЛЕНІЕ

Новому Другу.

Честный Отче Владиміръ!
Тебе другъ витаетъ щиръ,
И весь Угро-рускій клиръ
У Карпатскихъ вольныхъ гôръ.

Хоть ты, рускій богатыръ,
Затворился въ монастырь, —
Но читаешь намъ псалтырь
Честный Отче Владиміръ!

Не желаешь Ты безъ мѣръ
Свѣтлыхъ багряныхъ порфиръ
Про то тебе славитъ міръ
Честный Отче Владиміръ!

Презираешь шумный пиръ,
Тебѣ довлѣетъ и чиръ —
Скоро звукъ есть рускихъ лиръ
Честный Отче Владиміръ!

Середъ нашихъ рôдных гôръ
Дружбу ты найдешь и миръ,
Такъ у насъ не будешь сиръ,
Честный Отче Владиміръ!*)

*) Стихъ той составленъ въ память прибытія Всеч. О. Владиміра Терлецкого изъ заграницы въ мукачевскій монастырь.

ЧТО БЫВАЛО — ЕСТЬ И НЫНѢ.

Якъ теперь есть, такъ и было,
То весело, то уныло,
Бывалъ день, была и нощь,
Разъ погода, то сновь дождь.

Люди ѣли, люди пили,
Грѣшили, и честно жили,
Прилѣжный все работалъ,
А лѣнивый и въ день спалъ.

Богатымъ все избывало,
Убогимъ не доставало,
Все бывалъ розличный санъ,
Были слуги, былъ и панъ.

Были и сутъ люди правы,
Были хитри и лукавы,
Были мудры, и таки
При нихъ были дураки.

Добры люди все любились,
Злыи за губы водились,
Старцы въ церковь радо шли,
Молодыи до корчмы.

Одни Богу ся молили,
Други на судьбу хулили,
Былъ добрый и злый народъ,
И плодный, и лихій годъ.

Были сеймы и соборы,
Перемирья и роздоры,
И война была и миръ.
Джума, голодъ, — потомъ пиръ.

Бѣдныи всегда страдали,
Все лишь гроши пановали,

Той найчастше тучно жилъ,
Кто обманялъ и крутилъ.

Женщины всегда бывали
Яко цвѣты въ модной сали:
Легки, змѣнныи якъ вѣтръ,
Ихъ обычай всегда хитръ.

Молодцы все хваты были,
И дѣвчата ихъ любили,
Вѣнчалися съ ними вразъ,
Якъ прійшолъ на тое часъ.

Якъ теперь, такъ прежде было
И весело, и уныло,
И такъ будетъ всегда тутъ
Доколь люди ще живутъ.

Лишь одного не бывало,
Что теперь ажь вотъ настало:
Не бывало — въ пять аршинъ —
Дутыхъ женскихъ — кринолинъ.

ПѢСНЬ НАРОДНА.

Вы дѣвушки заспѣвайте
а вы хлопцы заиграйте,
заспѣвайте русску пѣснь,
повитайте нову жизнь.

Хлопци, дѣвки въ разъ
заспѣвайте въ пасъ,
заспѣвайте: гопъ, гопъ, гопъ,
кождый русинъ добрый хлопъ.

РУССКІЙ МАРШЪ.

Русски дѣти вамъ свѣтаетъ
Ужь зорничка всходитъ вамъ,
Слава мати васъ витаетъ
И зоветъ къ своимъ рядамъ;
Ноже хлопцы въ разъ
Поставайте въ Божій часъ,
Скоро скоро подъ знамя,
Ставайте въ Боже имя,
Летите на славы дворъ,
Ставайте въ разъ подъ прапоръ.

Слава, Слава наша мати
Пробудилась отъ сна сновь,
Зачинаетъ царствовати
Взываетъ храбрыхъ сыновъ.
Ноже хлопцы въ разъ, и пр.

Сильна наша Слава мати
Ей золотый крѣпкій щитъ
Не дасть сынамъ погибати,
Она братьевъ помѣритъ.
Ноже хлопцы въ разъ, и пр.

Бодро, крѣпко, храбро, сильно,
Ржавый въ руки берьте зброй,
Безустрашно и правыльно
Отважно грядьте на бой.
Ноже хлопцы въ разъ, и пр.

Ноже хлопцы въ имя Боже
Станемъ храбро съ горы въ долъ,
Братня сила намъ поможе
Защищать Славы престолъ.
Ноже хлопцы въ разъ, и пр.

Не боится Русинъ врага
Ему нѣтъ дороги въ задъ,

Грудь отверту все безъ страха
Держитъ и на кулей градъ.
Ноже хлопцы въ разъ, и пр.

Ноже бодро въ рядъ ставайме
Насъ не пугаетъ буря,
И свободу защищайме,
Отечество и Царя.
Ноже хлопцы въ разъ,
Поставайте въ Божій часъ,
Скоро скоро подъ знамя,
Ставайте въ Боже имя:
Летите на славы дворъ
Ставайте въ рядъ подъ прапоръ.

× × ×

МУХА.

Не новое я скажу вамъ,
То уже старое;
Уже Грекамъ и Римлянамъ
Было то явное.

Сказку скажу можно правды
Съ ней ся научити.
Могутъ стары и молоды
Совѣтъ получити.

Была муха чернокрыла,
Пакостна то муха,
Подлетала сваволила,
Сидала на уха:

И на очи и на бровы
На лице и до головы
Упорно ся пхала
Пакости дѣлала.

Своевольна, безстыдлива
Лишь ся выглумляла,
На всякій махъ позорлива
Нагло отлетала;

Хитра створа и сварлива.
На всякъ ударъ проворлива,
По столамъ играла
Сей часъ ся скрывала.

То до горчка то до блюда
Стремитъ, то до склянки
То до всякаго сосуда,
Лѣзетъ до сметанки;

Любопытна, ненасытна,
Бе́зсорома и лакома
Позывъ ей на все росъ
Всюда влагала носъ.

Такъ одинъ разъ забаглось ей,
Было то въ середу, —
Поститися, и на день сей
Полизати меду;

Летитъ хитро тамъ где былъ медъ,
Кругомъ на задъ и на передъ,
Сѣдаетъ на лаву,
На солодку страву.

Солодкій сокъ, о якъ вкусный!
Роскошъ и утѣха,
Всякій иный предъ нимъ гнусный,
Кажетъ не безъ смѣха;

Постъ будетъ мое игранье,
А солодкій медъ снѣданье,
И се таки дешево,
Я прожію весело.

Насыщена, накормлена,
Пора отлетати:
Снемощена, подурена,
Ужь не можетъ встати;

Бо то ноги обвязанны
На липкій сокъ прикованны
Не можь вытягати,
Нужно умирати.

Бѣдна мушка уловленна
Ужъ сама собою,
Смерти потомъ утомленна
Плачетъ надъ судьбою:

Мало меду полизала
И ужь на вѣки пропала,
О коротка бѣдна сласть
И за ней вѣчна пропасть!

* * *

Такъ дѣтино про дурну сласть
Послѣдуетъ горька пропасть
Страстемъ избѣгать потщись,
То отъ мухи научись.

НАДГРОБНОЕ ВЕПРЮ.

Сталося то у насъ теперь,
Сдохъ тученый старый веперь,
Кормленъ бульбой цѣлу осень,
Теперь достигъ послѣдный день.
И не думалъ бѣдный старикъ,
Что ему ужъ запоетъ ликъ, —
И чтобъ его перестало
Загрѣвать тучное сало.

Выстертый ужъ на доскѣ онъ, —
Вечеромъ будетъ похоронъ;
Пожалуйте и прійдите
Покойника погребити!
Он добрый былъ, всѣ го славлятъ,
Заслужилъ на вѣчну память,
Чтобъ на его груби почки
Выротить слезу изъ бочки.

Да — никто за нимъ не плачетъ...
Лишь собака кругомъ скачетъ,
И вороны со всѣхъ сторонъ
Слетѣлися на похоронъ.
На честь ему то домашня
Устрояется комашня,
Бо то его солонина
Заслужила каплю вина.

ПѢСНЬ ПРОСТОНАРОДНА.

Прійди ты до насъ
Хоть на малый часъ,
Хочешь вечерь хочешь рано
Хочь збрано хочь подрано
Прійди ты до насъ! —
Не пойду до васъ
Ни на малый часъ,
Ани вечерь ани рано,
Ни убрано ни подрано
Не пойду до васъ.

Прійди ты до насъ
Хоть на малый часъ,
Даме ти масной сметанки,
Навариме ти стеранки,
Прійди же до насъ. —

Не пойду до васъ
Ни на малый часъ,
Не хочу вашу сметанку
Не хочу вашу стеранку,
Бо то все вашъ квасъ.

Прійди ты до насъ
Хоть на малый часъ,
Даме ти сыра жентицы,
Избіемъ ти яечницы
Прійди же до насъ.—
Не пойду до васъ
Ни на малый часъ.
Не хочу вашу жентицу
Ни сыра ни яечницу,
Не пойду до васъ.

Прійди ты до насъ
Хоть на малый часъ,
Навариме ти пироги
Съ сыромъ масломъ о три роги,
Прійди же до насъ. —
Не пойду до васъ
Ни на малый часъ,
Не хочу ваши пироги
Хоть бы были о сто роги
Не пойду ни разъ.

Прійди ты до насъ,
Хоть на малый часъ,
Ради будутъ тебѣ наши
Наварятъ ти съ медомъ каши,
Ой прійди сей часъ.
Не пойду до васъ
Ни на малый часъ,
Не хочу гостины ваши
Ани меду ани каши,
Не пойду до васъ!

Прійди ты до насъ
Хоть на малый часъ,
Даме ти доброй горѣлки
Вина пива и медувки,
Погостимся въ разъ. —
Не пойду до васъ
Ни на малый часъ,
Не хочу вашу горѣлку
Вино, пиво, ни медувку
Не хочу ни разъ.

Прійди ты до насъ
Хоть на малый часъ,
Даме ти грушки, орѣхи,
Сливокъ яблокъ и два мѣхи
Понесешь отъ насъ. —
Не пойду до васъ
Ни на малый часъ,
Бо у мене зубы лихи,
Я не кусаю орѣхи,
Не пойду до васъ.

Прійди же до насъ,
Ой пожалуй насъ,
Напечеме ти баники
Капустинки сыровиики,
Погостишься въ насъ;
Не пойду до васъ
Ни на малый часъ,
Не хочу я капустинки,
Сыровинки маковинки,
Не хочу отъ васъ.

Прійди же до насъ,
Ой послухай насъ,
Даме ти красну Оленку,
Чернобрыву и бѣленьку,
Прійди же сей часъ.
Такъ лечу до васъ
И на вѣчный часъ
Про мою милу Оленку
Чернобрыву бѣленьку
Пойду и сторазъ.

НАДЕЖДА ВЪ БОГА.

Черна хмара надъ западомъ
Растяглась на небесахъ,
Трещатъ громы, тучи съ градомъ,
Ревуть звѣрѣ по лѣсахъ,
Рычитъ воздухъ, а громы бьютъ,
И помочи нигде нѣтъ
По долинахъ воды ся льютъ,
Думаешь ужъ пропавъ свѣтъ!
Руки простеръ бѣдный смертный,
„Конець свѣту, — молвитъ — днесь“
Безнадеждно полъ умертый
Стремивъ очи до небесъ:
— „О Боже мой, сильный Творецъ,
Пропала вся природа,
Се мнѣ уже, и всѣмъ конець.
Беретъ, несетъ все вода!
О спаси мя, спаси мой домъ,
Спаси насъ, спаси твой свѣтъ,
Да престанетъ буря и громъ,
Бо иной помочи нѣтъ.
И вотъ, сейчасъ съ подъ черныхъ хмаръ
Засѣялъ пресвѣтлый лучь
А солнце показало тварь,
Да не стало больше тучь.
О Боже мой, передъ часомъ
Пропадала природа,
И пôдъ бурливымъ ужасомъ
Все заберала вода.
Ты слово рекъ и все тихо,
Занѣмили тучи, громъ,
Стало мирно, — и все тихо
Минулось съ восторгомъ.
И такъ братъ мой, коль нападетъ
На тебя лиха бѣда,
Не отчаяй, то пропадетъ
У Бога есть побѣда.

Хотяй и свѣтъ пропадаетъ,
Чистымъ сердцемъ безъ грѣха
Станешь — хоть небо падаетъ,
Ты постоишь безъ страха.

КРИТИКЪ.

Счастливъ сто разъ той человѣкъ,
Кто ничего не сдѣлалъ,
Ему уступаетъ критикъ,
Хотябъ онъ день и ночь спалъ,
Кто закрылся передъ свѣтомъ
Того никто не видитъ,
Кто сокровеннымъ совѣтомъ,
За тѣмъ никто не слѣдитъ;
Но покажь хоть разъ весело,
Сдѣлай добро, или зло,
Покажи въ явъ смѣло чело,
Ужь твое имя счезло!
Буди честный дѣлательный,
Будь праведенъ, буди благъ,
Будь незлобный, трудительный,
Ужь ти за плечами врагъ!
За трудливымъ слѣдитъ все лѣнь,
Злоба преслѣдуетъ нравъ,
Какъ лѣтомъ послѣдуетъ тѣнь
Грубымъ шагомъ твой составъ.
Критикъ то тѣнь дѣлателей
Счастливъ бездѣльный лѣнюхъ,
Оскорбляетъ писателей,
Бо ему порожнiй слухъ.
Критикъ, то скрытый убiйца,
Его ведетъ ненависть,
Бездѣльнаго самолюбца
Влечетъ злоба и зависть;

Все чужое оскверняетъ
И споритъ себѣ права,
Все гнусливо презираетъ,
Чтобъ его росла слава,
А онъ глупецъ, самъ себѣ бичъ,
Не знаетъ свой праздный духъ,
Самъ не сдѣлалъ на свѣтѣ ничъ,
Ка́къ пузырь бьетъ лишь воздухъ.

СОЛНЦЕ.

Вставай, вставай бѣлый Разсвѣтъ
Отъ одра нѣдръ золотыхъ.
Пускай намъ твой блестящій свѣтъ
Отъ лучей твоихъ сватыхъ,
Двинись съ верховъ высокихъ горъ
Ты небесный Великанъ,
Разтерзай мракъ нощный уборъ,
Жалостну тьму, и туманъ;
Вставай блесни съ золотыхъ хмаръ
Облачныхъ свѣтло солнце,
Пускай твой свѣтъ, небесный даръ,
Яви святое лице
На сырую землю, — далъ силъ,
Радостное чувство намъ,
Чтобъ блескъ твой и насъ озарилъ
По доламъ, и по горамъ!
Проснися свѣтило неба
Въ велелѣпномъ существѣ,
Тебя великаго Феба
Витаемъ въ нѣжномъ чувствѣ. —
Зарями сіяющая
Сверкаетъ союзница,
Предидетъ ти блестащая
Искрами, съ горъ Денница;

Торжественно такъ предидутъ
　　Изъ славно-бойныхъ чередъ
Вѣстники, и вязней ведутъ
　　Предшествія на передъ.
Какъ отъ свинцевой тучи
　　И побѣдителей прочь
Бѣжатъ враги; твои лучи
　　Такъ женутъ чорную ночь. —
Ночью печальна природа
　　Прискорбный всякій цвѣтокъ,
Явленьемъ твоего вида,
　　Утераетъ слезный токъ;
И благовонная роза
　　Стеня подъ мрачнымъ игомъ,
На тебя вперая глаза
　　Къ тебѣ внушитъ восторгомъ.
Обновленна всякая тварь
　　Свѣжо воспрянетъ отъ сна,
Твоимъ то законамъ, о Царь,
　　Повинуется она.
Утренная свѣтла зоря
　　Сіяетъ лучь лишь тобой,
Прибывъ складно въ стрѣчу царя; —
　　И по тверди голубой
Всюды радость, и весело.
　　Мракъ печали разсѣянъ,
Небо, земля ручьекъ, село
　　Ликуетъ, плескъ по водамъ —
Все живетъ, и животворитъ,
　　По морѣ и по суши,
Весь воздухъ прозрачно горитъ,
　　Утоля жажду души;
Благое небо свѣтило
　　Розсыпуетъ благодать
На всяку тварь, не уныло
　　Станетъ на земли опять.

*

Прійди таже, о святое
Свѣтило, слава небесъ,
Оживи все животное,
Оживи насъ, и міръ весь;
Прійди, прійди золотое
Солнушко, ниспусти жаръ,
Покажи лишь личко твое,
Благодати Божой даръ!
Мы о тебѣ ожидаемъ
Въ жаждѣ сердца и души,
Твой прибытъ щиро витаемъ,
Нашимъ ты чувствамъ внуши,
Вся природа тебя славитъ
Отъ чисто нѣыныхъ мыслей,
Тебѣ пѣніе готовитъ
И прелестный Соловей,
И воздуха хители всѣ
Составляютъ тебѣ хоръ, —
Ты царствуешь надъ всѣми, всѣ
Мѣста суть твой власный дворъ,
Прійди таже, просвѣти насъ
Лучами, небесный сводъ
Внемли на стопъ, печальный гласъ,
Просвѣти русскій Народъ!

МѢСЯЦЪ.

Тѣнное ты ночи свѣтило
Славно воздушное тѣло
Чувствительныхъ сердецъ другъ,
Славный твой видъ, славный кругъ!
По лазурномъ ты плаваешь
Воздухѣ, ты озаряешь
Запутянныя думы
Ты просвѣщаешь умы

Коѣ зрѣютъ и во мнѣ,
Въ душевноѣ то глубинѣ.
Тишина и мракъ твоимъ другомъ.
Тѣ обнимаютъ тебя кругомъ,
Царство твое темна ночь,
Сумракъ и тѣнь тебѣ дочь,
Сгасло дневное свѣтило,
Ты вставаешь тогда смѣло,
Царствуя по небесамъ,
И безчисленнымъ звѣздамъ
Законъ даешь на проволъ;
Ты Царь, и ночь твой престолъ.
Подъ твоимъ тѣннымъ владѣніемъ
Я наслаждаюсь бдѣніемъ,
Разсѣявъ мракъ печали,
Яркія мнѣ думы стали
Твой лучь осѣняетъ весь лугъ,
Веселить тишина мой духъ,
Уму дремущу помочь
Додаетъ свѣтлая ночь
Коль блѣдный сумракъ ночи.
Заглянетъ въ мрачны очи.
Всюду тихо, тайно, уныло,
Думаю: что есть,—что было,
Съ вѣтромъ шепчетъ мой горбокъ,
А подъ нимъ шумитъ потокъ,
Будучность мнѣ ображаетъ,
Кою мой умъ понять желаетъ,
Я сумный; дума идетъ
О томъ, что еще будетъ
Въ моемъ родномъ племени
По столѣтномъ времени.
Всюды тихо и станетъ,
Ясность мрачна озаряетъ
Духъ мой; я всѣмъ удовиленъ,
И въ мрачны лучьи влюбленъ—

Одинъ лишь дремучихъ птицъ стонъ
Бодритъ напастуючій мя сонъ,
Я не внимаю ничто —
Сей часъ будитъ думу что,
Пѣснь соловья и триллы
Пастушной лестной свѣрили,
Тогда очутился вдругъ,
Счезла дума, исчезъ духъ.

ДУМА НА 60 ЛѢТНЫЙ ДЕНЬ.

Лѣта мои молоденьки
Счастливыи лѣта,
Вы мнѣ были такъ миленьки
А не вжили свѣта!
Вы убѣгли безъ радости
Як раномъ буйны сны
Изчезли безъ веселости,
До вѣчнои бездны.
Юность моя веселая
Куда ся подѣла?
Якъ ласточка крылатая
Куда полетѣла?
Полетѣла не въ теплый край,
Богату отчину,
Не достигла блаженный рай,
Въ счастливу родину. —
Ластовочка отлѣтаетъ
Осенью въ теплый свѣтъ,
Но весною повертаетъ,
А моихъ лѣтъ ужъ нѣтъ!
Ласковочка повертаетъ
И запоетъ снову,
Юность моя не вертаетъ
На сѣду голову.

ФАЛШИВОМУ ДРУГУ.

Болитъ душа, сердце тужитъ,
А мыслъ про отмщеню кружитъ,
Вся внутренность тѣсна печаль,
Гдѣ вселились месть, боль и жаль!

И кто сдѣлалъ той пакости
Въ моей души? Кто той злости
Яду вліяль сердцу въ кругъ? —
То ты виненъ мой мнимый другъ!

Ты мнѣ въ лице усмѣхался,
А по гребтѣ высмѣялся,
Ты мня лестно все похвалялъ,
А я твоей злобы не зналъ.

Ты совершилъ злостну волю,
И погубилъ мою долю;
Моя доля лишь мнѣ жалость,
А твоя лесть тебѣ радость.

Но дасть Господь, отецъ неба,
Что и тебѣ заря Феба,
Хоть на время помрачи ся,
И усмѣхъ твой поглумится.

Слава тобѣ буди одна,
Что злоба твоя безплодна,
Осталась въ самомъ тебѣ,
А месть ждетъ тебя на небѣ.

ЦЫГАНЪ.

Голодъ, жажду, холодъ, зной
Иногда мы сносимъ,
Но не чахнемъ надъ сохой,
Но не жнемъ, не косимъ.

Мы живемъ среди ночей
И лѣсовъ дремучихъ;
Но счастливый, веселый
Всѣхъ вельможъ могучихъ.

Рано съ солнцемъ не встаемъ,
Для чужой работы,
Лишь проснулись — и поемъ:
Нѣтъ у иасъ заботы.

ДОЧЬ.

Ахъ дочери! — мученье!
Скажите, кто имъ радъ? —
Плати за ихъ ученье,
Плати за ихъ нарядъ.

А подростутъ поволѣ,
Тогда отца и мать
Спросите вы, легко-ли
Ихъ за-мужъ выдавать?

РАДУЙТЕСЯ СОКОЛЯТА.

Радуйтеся соколята,
    Вамъ зоренька свѣтаетъ,
Плещите руски дѣтята,
    Вамъ бо весна блистаетъ,
Вѣтры съ юга подуваютъ,
И морозы исчезаютъ,
    Обновилась природа,
    С ней народна свобода.

Соколы ужъ гнѣздо вѣютъ
    По скалистымъ утесамъ,
Нанесено яйце грѣютъ
    По дубравамъ и лѣсамъ,

Исправно домъ устрояютъ,
Съ мягкихъ перей складываютъ,
Чтобъ нести въ немъ любви плодъ,
Чтобъ не пропалъ властный родъ.

Стройте стѣны, будуйте домъ
Съ чувственного мрамора,
Оставленный ужь прадѣдомъ,
Обновить уже пора,
Стройте гнѣздо для потомковъ,
Для будущихъ родныхъ внуковъ,
Сѣйте богато сѣмя,
Чтобъ задержалось племя.

Богъ дасть росу и погоду,
Въ немъ надежда; и въ людяхъ
Росте плодъ съ властного роду
И по скалистымъ горамъ,
Лишь будуйте на скалѣ домъ!
Не вредитъ вражій му громъ,
Обновте старый въ новъ
Для будущихъ вамъ сыновъ.

Бо отъ пола честна, здрава
Родится все честный полъ,
А отъ гнѣзда соколова
Вылетитъ быстрый соколъ;
Сова родить лишень сову,
А глупецъ глупу голову,
Кто учился яку пѣснь,
Таку поетъ во-всю жизнь.

Такъ же братя соколота
Подлетайте, весна тутъ:
Смогайтеся на крылята,
Вамъ стелится новый путь!
Скройте гнѣздо, подлетайте;
Теплымъ перьемъ загрѣвайте;
Бо то желаетъ любовь
Для родныхъ вашихъ сыновъ.

ПОСЛѢДНАЯ МОЯ ПѢСНЬ.

Ой, дитята-соколята,
Змагайтеся на крылята!
Бо я уже соколъ старый,
Ужъ мнѣ крыла поламаны.

Горѣ, доловъ лѣтаючи,
Свои дѣти питаючи,
Отъ юности до старости—
Изнемогли жилы, кости.

Ахъ, лѣтавъ я и высоко,
Понурялся глубоко
Плавя по шумнымъ струямъ
Безъ кормщика правивъ самъ.

А, колько то стихіи бурныхъ,
Колько молніи и стрѣлъ бурныхъ
Изнѣсъ отъ враговъ природныхъ,
И отъ чужихъ и отъ родныхъ.

Не красился пѣрьемъ чужимъ,
А крѣпился духомъ дужимъ,
Не измѣнялъ ни на страстяхъ
Терпѣлъ бѣду въ тыхъ напастяхъ.

Скубли враги зо всѣхъ сторонъ,
Выставляли мя на соромъ.
Розбивали якъ колоколъ,
Но я оставъ старый соколъ.

Былъ соколомъ для родины,
Спѣвалъ пѣснѣ соколины,
Училъ такъ и васъ спѣвати,
По сокольому лѣтати.

Такъ, дитята соколята,
Змагайтеся на крылята,
Старый соколъ вже не можетъ,
Онъ вамъ больше не поможетъ.

Бѣлый вашъ свѣтъ, бѣлый свѣтъ,
Въ немъ доселѣ грѣха нѣтъ,
Не берѣте чуже пѣря,
Бо то вашихъ лишъ потеря.

Съ мыслiю о горней жизни,
Жiйте благо для отчизны,
А чужины стережѣться,
Чуже въ васъ не устоится.

А я свершивъ мою жизнь,
Днесь пою послѣдню пѣснь,
Пѣснь послѣдню для васъ милыхъ,
Соколиковъ сизокрылыхъ.

На Бескидѣ въ родномъ краю
Въ томъ исконно русскомъ раю,
Де свѣтъ узрѣлъ, тамъ лежати
Хочу вѣчно спочивати.

Схоронѣте мя въ дубравѣ,
При скалахъ въ густой темрявѣ,
Сами здоровы спѣвайте,
А на батька памятайте.

ГИМНЪ ПОДКАРПАТСКИХЪ РУСИНОВЪ.

Подкарпатскiи русины
Оставьте глубокiй сонъ!
Народный голосъ зоветъ васъ:
Не забудьте о своемъ!
Нашъ народъ любимый
Да будетъ свободный.
Отъ него да отдалится
Непрiятелей буря,
Да посѣтитъ справедливость
Ужъ и русское племя!
Желанiе русскихъ вождь:
Русскiй да живетъ народъ!
Все просимъ Всевышняго,
Да подержитъ русскаго,
И дасть вѣка лучшаго!

ПОЯСНЕНЯ

ПОЯСНЕНЯ.

То перше выдане Поезій Александра Духновича не повне и критичне. Повне и критичне выдане тымчасом не можливе, бо рукописи Духновича не звѣснѣ или не достатнѣ. Треба вдоволитися перводруками, котрѣ врештѣ также дуже и розкиданѣ и тяжко достатнѣ. В сем выданю, призначенôм широким верствам читачѣв, лишено майже загалом стихôв оказійных на пр. поезій альмамаха „Поздравленіе Русиновъ", присвяченых цѣсарю Франц Йосифови и под.) и перекладов. Писатем сих строчок переконаный, что интерес читаючоѣ публики скоро выжадае собѣ повного и критичного выданя, котре он приготовляе так само як окрему монографію про Духновича.

Головнѣ жерела сього выбору ось такѣ: Альманахъ „Поздравленіе Русиновъ" (скороченое *П. Р.*); „Зоря Галицкая яко альбумъ на годъ 1860" (скор. *З. Р.*); „Мѣсяцословъ на годъ 1865 для русскихъ угорскія краины, иядалъ Александръ Ю. Гомичковъ" (скор. *М. 1865.*); „Мѣсяцословъ на годъ 1866 для р. уг. кр., издали Анатолій Кралицкій и Викторъ Ф. Кимакъ" (скор. *М. 1866.*). Поезіи составленѣ так, чтобы заховався порядок автора и поступ хронольогичный. Ортографію передрукôв передано точно.

Мысль о Бозѣ (П. Р. 1851, стор. 15—18). З боку языка замѣтнѣ ретушѣ котрогось члена „Литературного заведенія Пряшовского" (Добрянского или Раковского). Рефлексивною поезіею Духн. быв дуже вдоволеный: В альмамаху на 1852 р. выпечатано на пр. також оды Державина.

Сирота въ заточеніи (П. Р. 1851, ст. 19—23) Созанський (Зап. Шевч. 86, ст. 129) пояснює сей твор ось як: „Д. банує за своєю дорогою мамою, яку стратив на весні свого житя і якої не доведе ся йому більш бачити. Цілий вірш, по нашій думці, алюзія до родинної традиції, що Д. мав походити із значного роду князів Черкаських, з яких один мав належати до заговірників Петра Великого, а потім, коли заговір викрито, втік на Угорщину“. По моему се поясненє мыльне. „Сирота въ заточеніи“ чиста алегорія: Поет чувствуе ся сиротою, хоч он мае „мамушку“ — матушку Русь. Д. также деинде называе Русь „мамушкою“ (пор. Студинський, Кореспонденція Я. Головацького в літах 1850—1862, стор. CXXIII). В *П. Р.* 1850 можна читати слѣдующѣ стихи:

Хоть разными голосами
Кличме ся любезно,
О мы порозуміемся
Честно и полезно;
Бо мати наша едная,
Хоть она на Невѣ,
Престолъ собѣ устроила
На зимном Сѣверѣ.

Д. пôдлягае тут панславистичной думцѣ Колляра як загалом всѣ славянски романтики, котрѣ в Россіи видѣли спасенє Славянства.

Убѣгша свобода (П. Р. 1851, ст. 33—34).

Свобода (Ib. ст. 35—36).

Незабудка (Ib., ст. 37—39),

О придворной жизни (Ib. ст. 43—49). Ся поезія мае односины к побыту автора на владичем дворѣ в Пряшовѣ; поровн. тут житепись.

Жаба (П. Р. 1851, ст. 50—51).

Вручаніе (П. Р. 1851, ст. 69—70). Едина поезія цѣлоѣ збѣрки, подписана повным именем; други позначенѣ криптограмом А. Д. — Найславнѣйша пѣсня Духновича, котра сталася народным гимном. Др. Вол. Бирчак совсѣм слушно называе eѣ „carmen saeculare

XIX. вѣку цѣлоѣ Пôдк. Руси“. Духнович каже в „Записках“: „Дѣвицы уже не стыцались пѣти русскіи пѣсни и мой народный гимнъ „Я русинъ былъ, есмь и буду“ повсюду роспѣвался“. Поровн. також: Вол. Терлецкій, Угорская Русь, ст. 22, и Матиссовъ, Бесѣда 1871, ст. 238. — Созянський (Зап. Шевч. 86, ст. 135) приводит цѣкавый варіянт послѣдноѣ строфы:

О, я тебе не забуду
Отъ всѣхъ сердечныхъ утробъ,
Возлюблю тя, твоимъ буду,
Сыномъ, другомъ ажъ по гробъ.

Вѣчность (П. Р. 1852, ст. 3—9). Поровн. поясненя къ первой поезіѣ нашоѣ книжки.

Храмъ любви (П. Р. 1852, ст. 15—18). Се найобємнийша поезія Духновича. Вызначуєся красным народным языком (в контрастѣ ид нопередной поезіи) и прекрасными поетичными подробницями. На жаль цѣлковита концепція вже не так удачна.

Любовь милоѣ и отечества (П. Р. 1852, стор. 31—33).

Тоска на гробѣ милой (П. Р. 1852, ст. 34—39). Една з найкраснѣйших поезій Духновича, щастливе наслѣдоване народной поезіи: формою и змѣстом наша пѣсня чудесна коломыйка.

Образъ жизни (П. Р. 1852, ст. 71—72).

Мысль въ началѣ весны (Ibid., ст. 126).

Слѣпый и хромый (Отечественный сборникъ 1852, ст. 40).

Ненасытимое (Ibid., ст. 192).

Отечество (Львовске „Слово“ 1865, ч. 75) З рукописи напечатано Анатоліем Кралицким.

Голосъ радости (З. Г., ст. XV—XVI).

Пѣснь земледѣлца весною (З. Г., ст. 58—59).

Счастіе жизни (З. Г., ст. 59).

Поздравьеніе новому другу (З. Г., ст. 59—60). — Володимир Гиполит Терлецкій (1810—1889) быв родом з Волынѣ. В Краковѣ стався он доктором ме-

дицины. Послѣ смерти своей молодоѣ жены лишив Т. медицину, одишов до Францiи, де стався священником и позднѣйше доктором богословья. Як священник старався поширити силу римскоѣ церкви мѣж православными славянами. В Римѣ он не найшов подмоги нѣ порозумѣня и зато он рѣшив ити до монастыря. Он пôшов на Подкарпатску Русь и стався игуменом монастыря Мало-Березянского. Року 1872 одойшов Т. в Россiю и жив аж до смерти в Златоверхом Михайловском монастырѣ в Кiевѣ.

Пѣснь народна. З рукописи напечатав Iл. Свѣнцицкiй (Матерiалы по историi возрожденiя Карпатской Руси II., Львовъ 1909, ст. 121).

Русскiй маршъ (М. 1865, ст. 3—4).
Муха (М. 1865, ст. 23—25).
Надгробное вепрю (М. 1865, ст. 25—26).
Пѣснь простонародна (М. 1865, ст. 44—47).
Надежда въ Бога (М. 1865, ст. 76—77).

Кришикъ (М. 1865, ст. 103—105). Сiя и слѣдующа поезiя з найгарнѣйших творов Духновича.
Мѣсяцъ (М. 1865, ст. 105—106).

Дума на 60 лѣтный день (М. 1865, ст. 141) Формою и змѣстом опять чудесна коломыйка.

Фалшивому другу (М. 1866, ст. 44—45).
Циганъ (М. 1866, ст. 45).
Дочь (Ibidem).

Радуйтеся, соколята. Сей верш написаный 1862 р. з нагоды основаня интернату св. Iоанна Хрестителя въ Пряшевѣ, перепечатав *К. Кустодiевъ* у вступѣ свого перекладу „*Историi Пряшевской Епарѣiи*“ (Петроград 1877) на стор. 7. (На сей вершь звернув увагу выдавника и копiю зробив преп. о. Гл. Кинах. На сѣм мѣсци ему дякую!)

Текст Кустодiева очевидно попсутый и руссификованый. Рядок 1. з *К.* каже: „*Радуйтесь* соколята...“; рядокъ 3. четвертоѣ строфы: „*Возрастаетъ* плодъ съ

власногъ (!) роду"...; р. 6. тоѣ самоѣ стр.: „Не вредитъ вражій *ему* громъ..."

Послѣдная моя пѣсть (Галичанин І., 1862, стор. 19—20). Поров. поезію Ал. Павлочича „Батькови Духновичу", цитовану в житеписи).

Гимнъ Подкарпатскихъ Русиновъ. Рукопись нѣ друк сеѣ пѣснѣ, котра по общому мнѣнію твор Духновича, совсѣм не знакомый. Предлогою нашого друку текст, котрый выдавцеви з ласки своеѣ доносив писменник о. Евменій Сабов. Я позваляю собѣ подати тут интересантнѣ выводы о. Сабова з його дописи про сю справу. „Думаю, Вы знаете текстъ *„Я русинъ былъ, есмь и буду"*? То и есть нашъ народный гимнъ. Онъ содержитъ; признаніе испоконъ* русскаго происхожденія Духновичеваго народа, и пообѣцанія: быти вѣрнымъ русиномъ. *„Подкарпатскіи русины"* содержитъ воззваніе-кличь къ тому-же русину, спящему пока. Кто признаетъ авторство въ *„Я русинъ былъ"* Духновичови: долженъ признати авторство того-же и въ *„Подкарпатскіи русины"* по логикѣ и по содержанію, и по стилью". — Столько о. Е. Сабовъ.

*

Чтобы Духновичовѣ творы могли лѣпше познаватися в його народѣ, треба подпирати працю литературноѣ науки также з боку всѣх почитателей нашого великого письменника. Се може и се повинен кождый русин. В першом рядѣ треба сконцентровати всѣ рукописи, дописи (переписку), книжки, де напечатанѣ поезіи Духновича и т. д. в библіотецѣ товариства „Просьвіта" в Ужгородѣ. Тов. „Просьвіта" и так саме выдавець сей книжки вдячно приймуть также кожде звертанье уваги и кожду раду в сей справѣ од читачѣв и почитателей Александра Духновича.

---

* испоконъ = из давен давна.

ЗМѢСТ.

